Татьяна Кутикина

Ангелы, демоны, странники

Роман

Татьяна Кутикина

Ангелы, демоны, странники. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69435496
Ангелы, демоны, странники:
ISBN 9785006027039

Аннотация

Одни обходят этот дом стороной, других влечет к нему неодолимой силой, третьи приобретают его в собственность. А причина одна – в доме обитает привидение – прекрасная княжна из 18-го века, способная подарить целый мир или затянуть в лунную бездну.Что принесет встреча с демонической княжной Антону и Мстиславу – братьям по отцу с такими разными судьбами?Меж тем оба влюблены в жизнерадостную и взбалмошную Агнию, ставшую ангелом-хранителем для них обоих. Но и Агния всю жизнь ищет своего ангела.

Содержание

Пролог	7
1	7
2	9
3	10
Глава 1	12
1	12
2	14
3	17
4	19
Глава 2	23
1	23
2	25
3	28
4	31
5	33
6	35
7	37
Глава 3	38
1	38
2	41
3	44
Глава 4	46
1	46

2 50
3 52
4 54
Глава 5 55
1 55
2 58
3 59
4 61
Глава 6 63
1 63
2 65
3 67
4 70
5 72
Глава 7 74
1 74
2 78
3 83
4 85
5 88
6 90
Глава 8 93
1 93
2 98
3 100
4 102

5 104
6 106
Глава 9 108
1 108
2 110
3 113
Глава 10 115
1 115
2 119
3 121
4 123
5 125
6 126
7 129
8 130
Глава 11 Крылатый друг любительницы ночного купания 132
1 132
2 135
3 138
4 140
Конец ознакомительного фрагмента. 143

Ангелы, демоны, странники
Роман

Татьяна Кутикина

Иллюстратор Татьяна Кутикина

© Татьяна Кутикина, 2023
© Татьяна Кутикина, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-2703-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

1

Агаше Солнычёвой было четыре года, когда она впервые ощутила собственное «я».

– Я, – произнесла Агаша вслух, глядя на себя в зеркало и имея в виду: «Я – это я и никто другой. Конечно, есть другие люди: мама, папа, две бабушки, дедушка, девочки, мальчики, тети, дяди. Но они все – не я, а я – не они. Когда я разбила коленку, больно было мне и никому другому. Я никогда не стану ими, а они никогда не станут мною. Никто из них не сможет почувствовать меня изнутри меня самой. Ведь все они – снаружи, только я одна тут, внутри. Совсем одна».

– Я, – повторила Агаша более грустно и расплакалась, ощущая свое космическое одиночество, замурованность в собственном «я», абсолютную непреодолимость границ личности.

– Что случилось, котенок? – спросила мама, поднимая дочку на руки и прижимая к груди ее кудрявую головку.

– Ты! – резко выплеснула Агаша, почувствовав в маме близкое, родное существо.

За этим последовала новая мысль: «Наверно, другие люди для себя – то же, что я для себя. Каждый для себя – я».

Агаша соскочила с маминых рук и радостная побежала по комнате. Она смеялась от восторга, обнаружив вокруг такое множество миров. Ликовала оттого, что все вокруг – живые, и сама она – живая. Ведь жизнь так прекрасна!

Чтобы ощутить собственную значимость, Агаше вовсе не требовалось возвышаться над кем-то. Значимым было уже то, что у нее, девочки Агаши, есть свое «я».

Значимым было и «я» другого, которое для нее называлось добрым словом «ты». «Ты» нельзя было сказать столу или шкафу, а только кому-то живому. И это «ты» открывало для маленькой Агнии живые миры других.

2

Алику Луньеву было двадцать, когда он впервые спросил себя: кто я?

Прежде он никогда не задавал себе подобных вопросов. С детства Алик привык слышать от матери, что он самый умный, самый талантливый, самый красивый, и что его ждет самое блестящее будущее. Все это до поры до времени казалось соответствующим реальности.

Но по мере взросления обнаружилось, что никаких блестящих перспектив перед Аликом не открывалось. С горем пополам он получал образование, которое вероятнее всего окажется невостребованным.

«Допустим, я студент, – начал Алик свои рассуждения. – Следует признаться, весьма посредственный, нахвативший «хвостов». Допустим, красавец-сердцеед, в которого влюблены девчонки со всего курса. Впрочем, таких местных донжуанов хватает повсюду. Ну, сочиняю на досуге стихи. Да что с того? Если быть честным перед собой, получается: я – никто. Не Наполеон, не Цезарь и даже не кинозвезда и не миллиардер. Всего лишь – Алик Луньев. Ну, о чем может говорить это имя? Решительно ни о чем. Вот если б я был знаменит или богат… А лучше, и то, и другое сразу… Вот тогда и имя бы мое зазвучало. Тогда бы я был уже «кто-то».

3

– Нииз-зя-аа на цветы ногой! – закричала подбежавшая маленькая девочка. – Они з-зывые!

Размечтавшись, Алик и сам не заметил, как уронил букет сорванных на клумбе тюльпанов, который нес очередной подружке. Да к тому же нечаянно наступил на этот миниатюрный букет своим остроносым ботинком.

Три упавших на асфальт ярких цветка привлекли внимание ребенка, делавшего в сквере первые шаги под наблюдением сидевшей на скамейке матери. Маленькие ручонки попытались отодвинуть большую ногу, чуть не раздавившую нежные цветы.

Услыхав детский крик, Алик отпрянул, не понимая, в чем дело. Он не любил детей и всегда пугался их криков.

Маленькая веснушчатая девчушка подняла своими пухлыми розовыми ручонками с асфальта три тюльпана. Один был крупным, с темно-бордовыми бархатными лепестками, похожим на аристократа в трауре; второй – бледно-сиреневым и до прозрачности нежным, прекрасным какой-то утонченной до уродства красотой, на тоненьком, хилом, искривленном стебельке; а третий – ярко-алым бутоном на крепком стебле.

Девочка прижала к груди все три смятых тюльпана и уже не желала расставаться ни с одним из них.

* * *

Агния Солнычева только училась любить и, конечно же, не знала, кого полюбит, став взрослой.

Спустя несколько лет никто в семье уже не помнил, откуда в доме появились три засушенных тюльпана, хранившиеся среди детских игрушек.

Глава 1
Тайны старого дома

У домов, как у людей, есть своя репутация. Есть дома, где, по общему мнению, нечисто.
Николай Лесков. Привидение в инженерном замке

Пусть привидение идет вместе с мебелью.
Оскар Уайльд. Кентервильское привидение

1

На берегу живописной темноводной реки Зельевки раскинулся старинный городок Золовск. Город этот не просто необычайно красив, он весь словно пропитан чудесами. Если вам вздумается прогуляться по самой древней его части, вы ощутите себя в прекраснейшей из сказок. С узорчатых фасадов домов на вас посмотрят райские птицы с женскими головами – Сирины и Алконосты, с резных наличников улыбнутся красавицы с рыбьими хвостами, тут же будут красоваться диковинные цветы и готовые взлететь крылатые звери, а на всем этом деревянном кружеве – играть радостные лучи солнца. И вам покажется, что даже солнце в Золовске светит по-особому радостно. А в фонтане на городской пло-

щади вы непременно увидите радугу.

История Золовска овеяна многими легендами и уходит в глубь веков. Говорят, что деревянный город существовал здесь даже в самые, что ни на есть, стародавние времена, когда по дорогам еще разъезжали былинные богатыри, а в лесах можно было запросто встретить избушку на курьих ножках. Но мы пока не станем углубляться в такую уж темную древность. Отложим до времени истории об обитавших некогда в этих краях леших и русалках, о пролетавшем над городом Змее Горыныче и о посещавшей Золовск Царь-Девице.

Ведь все эти сказания меркнут перед главной легендой города. Все они остаются лишь красивыми сказками, в которые можно верить, а можно и нет. В данном же случае мистика вторгается в саму городскую жизнь, в судьбы горожан. И вторгается отнюдь не светлым волшебством, а так, что от одних рассказов мурашки бегут по коже.

2

Есть в Золовске место, попадая в которое, словно покидаешь светлую сказку и оказываешься в иной, инфернальной реальности. И Золовск предстает уже не сказочным, а колдовским. Это – улица Сумрачная, появившаяся на карте города в XVIII-м веке.

Сумрачная всегда оправдывала свое название. С самого ее основания вдоль нее стояли вековые дубы, заслоняя сучковатыми ветвями солнце. Оттого здесь царил сумрак даже в середине дня.

Хотя теперь половина дубов срублена, света от этого не прибавилось. Почему-то над Сумрачной ежедневно нависают облака.

Зато по ночам луна своим мертвенным светом освещает эту улицу особенно ярко. В полнолуние она кажется здесь такой огромной и пугающе-магической, как нигде более. Луна всегда низко стоит над Сумрачной и словно заглядывает в самую душу редким ночным прохожим. Тогда все, залитые серебристым мерцанием дома, деревья, фонарные столбы словно утрачивают собственное существование, и становятся обрамлением портрета луны.

Жилых домов и магазинов на этой улице нет. По одну сторону чернеет мрачный, заросший крапивой и полынью, пустырь. По другую – на пол улицы растянулся глухой за-

бор. За ним много лет назад началось какое-то строительство, но давным-давно остановилось и больше не возобновлялось. От стройки веет не меньшей заброшенностью, чем от пустыря. Далее следует несколько унылых покосившихся домишек с низкими дверями и вросшими в землю оконцами. Здесь ютятся какие-то никому не интересные учреждения. Самым известным среди них является, пожалуй, похоронная контора.

Вдоль улицы стоят старые витиеватой формы фонарные столбы с облезлой позолотой. Вечерами здесь зажигаются тусклые огни. В эти часы особенно остро ощущение тяжелого дурного сна, от которого хочется, но не удается проснуться. Если бы в такой момент из-за какой-нибудь крыши появилась летящая на метле старуха, никто бы наверно не удивился.

Улица Сумрачная в числе нескольких других соединяет Торговую площадь с набережной Зельевки. Но здравомыслящие пешеходы предпочитают ходить по соседним улицам. Каждый, просто ступив на Сумрачную, начинает испытывать здесь безотчетный страх.

Впрочем, именно этого мистического страха кое-кто и жаждет. Любителей таинственного тянет на Сумрачную, словно магнитом.

С этой улицей и связана самая зловещая легенда Золовска. Именно за ее подробностями в течение двух веков едут сюда многочисленные туристы. И эти подробности с удо-

вольствием рассказывают золовские старожилы.

3

Не одна лишь мрачная атмосфера заброшенности создала улице Сумрачной недобрую славу. Главной достопримечательностью здесь является двухэтажный дом с мезонином и четырьмя белыми колоннами. Он одиноко возвышается над окружающим запустением.

Долгие годы двухэтажный дом с колоннами считался самым роскошным не только на Сумрачной, но и во всем Золовске. Сколько помнили старожилы, дом всегда был выкрашен в таинственный фиолетовый цвет. А на фиолетовом фоне выделялись иссиня-белые, как снег в лунную ночь, колонны и украшения.

За два столетия дом, конечно, изрядно обветшал, но не утратил своего мрачного величия. Над арочными окнами все еще красовались впитавшие пыль веков злобные звериные морды. По всему фасаду были разбросаны остатки когда-то многочисленных причудливых завитушек. Ограждавший дом металлический забор с острыми зубьями, как и века назад, выглядел устрашающе. В орнаменте литых чугунных ворот при желании можно было различить не только герб бывших владельцев, но и различные магические знаки. А два грозно оскаливших клыки каменных льва, стоящие у парадного входа, словно приглашали в страшную сказку.

Этот дом, воплощавший в себе некогда смешение архи-

тектурных стилей классицизма и барокко, был построен в середине XVIII-го столетия. Поэтому нам сейчас предстоит погрузиться не в былинную старину, а в атмосферу галантного века. Тогда все древние сказки уже начинали забываться. Просвещенная публика сбрила бороды, облачилась в модные камзолы и надела на свои просвещенные головы напудренные парики. Все, услышанное в детстве от нянюшек, она считала полнейшим вздором. Своим детям эта публика рассказывала уже другие, считавшиеся более аристократическими, сказки. Русалок в них заменили нимфы, леших – сатиры, а Бабу-Ягу – владычица мрака Геката[1].

Однако Соловские земли во все века рождали собственные легенды, так уж они были устроены. Не мог этот насквозь пропитанный мистикой город обходиться без собственных, доморощенных сказок.

Так случилось, что именно в XVIII-м столетии произошла история, особенно прославившая Соловск. И произошла она в этом самом доме. Она-то и привлекала сюда многочисленных любителей таинственного.

[1] Геката – древнегреческая богиня лунного света, ада, мрака, ночных видений и всего таинственного, покровительница ведьм и черной магии.

4

Первоначально дом на Сумрачной принадлежал неким князьям Сугубовым, чья история неотрывна от истории города. Затем, в первой половине XX-го века, в здании располагались различные конторы. А к середине века очень кстати был устроен музей. Он-то и являлся главной целью всех приезжающих в Золовск. Он и оживлял эту почти мертвую улицу.

Конечно, сотрудники музея рассказывали своим посетителям в основном о дворянском быте и нравах прежних веков, об истории города и рода Сугубовых, об архитектурных и интерьерных стилях. Но они делали очень пространные намеки на главную ценность этого музея. Ведь все многочисленные туристы съезжались сюда вовсе не ради красоты старого княжеского дома. Хотя все здесь, начиная с парадных портретов в золоченых рамах и до последней завитушки на стене, дышало волшебством.

В первую очередь княжеский дом был значим своим таинственным обитателем, присутствовавшем здесь незримо. Вернее, не всегда зримо.

Музейным работникам как-то удалось с ним договориться об относительно мирном сосуществовании. Однако это таинственное существо постоянно давало знать о своем присутствии то шорохами, то скрипом половиц, то упавшим сту-

лом, то дрожащей без всякой видимой причины фарфоровой вазой, то необъяснимо переставленными за ночь предметами.

Каждый посетитель музея с надеждой и содроганием ожидал хотя бы мимолетной встречи с мистическим существом. Мечтал увидеть его хоть издали в оконном проеме или в сгустившихся по углам тенях. Или хотя бы услышать его шаги.

При этом каждый знал, что такая встреча не предвещает ничего доброго. Ведь таинственным обитателем этого старого дома было, не много не мало, как самое настоящее, до сих пор «живое», если здесь уместно это слово, привидение.

Слухи о нем не ослабевали в течение нескольких веков, и золовчане охотно поддерживали их. Каждый горожанин мог поведать о том, как какой-нибудь сосед его двоюродной тетки или троюродный брат его приятеля наблюдал привидение собственными глазами. Говорили, что каждый такой «счастливчик» несколько дней после случившегося молчал и ходил, как зачарованный. А после говорил, что навеки очарован неземной красотой.

Ведь данное привидение отражало в себе всю прелесть галантного века. Это была не какая-нибудь там Баба-Яга-костяная-нога, а изящная полупрозрачная дама в пышном платье, бродившая по старому княжескому дому. Иной раз она показывалась в белом напудренном парике, иной раз – в шляпе с вуалью. Неизменно дама была аристократически бледной и ослепительно красивой.

Кое-кому даже удавалось разглядеть кровавое пятно на ее виске – след револьверного выстрела. Но это оказывалось возможным лишь в тех случаях, когда призрачная дама выглядывала из старых музейных зеркал.

А издали в лунные ночи можно было видеть лишь белую тень, неприкаянно бродящую вокруг княжеского дома.

Но чаще ночные музейные сторожа слышали лишь стук острых каблучков на лестницах, или печальные вздохи в комнатах второго этажа. Тогда они от греха подальше крепче запирали свою коморку.

Все жители города знали, что приведением стал ни кто иной, как юная княжна Глафира Сугубова, застрелившаяся в этом самом доме, который когда-то принадлежал ее семье. Причина самоубийства осталась неизвестной.

Вот тут и вступало в силу творческое начало золовского народа. Каких только историй не доводилось услышать от горожан. Рассказывали и о неразделенной любви, и о вынужденной разлуке страстно влюбленных, и о всяческих любовных треугольниках и квадратах.

И только редкие старухи говорили, что очень рассердила княжна Глафира местных русалок, и за это отняли они у нее покой. Да, настолько отняли, что сама жизнь стала княжне не мила. И до сих пор не находит Глафира покоя, ведь не примирилась она еще с русалочьим родом.

Таким образом, легенды XVIII-го века переплелись с самыми древними, от которых в Золовске было не уйти. Ведь,

говорят, земли в окрестностях этого города испокон веков считались русалочьими.

Глава 2
Лунная дама и ее рыцарь

Зашевелились силы колдовства
И прославляют бледную Гекату.
Вильям Шекспир. Макбет

– Очевидно, вы еще ни разу не говорили с привидениями. Разве от них дождешься вразумительного ответа! Все только вокруг да около.
Франц Кафка. Тоска

1

Золовск пережил многие смутные времена, не утрачивая своего сказочного ореола. Пережил петровские реформы, войны, революции.

Но вот настали совсем уж новые времена. К концу XX-го века начали забываться и самые древние, и более поздние сказания. Все рушилось, приходило в запустение.

Даже исторический центр города уже не казался светлой сказкой. Резные терема ветшали, сносились, превращались в большие свалки мусора или завешивались яркими вывесками коммерческих магазинов.

Но знаменитый дом с привидением продолжал сохранять мрачное величие. Впрочем, он обветшал до такой степени, что сделался почти развалинами.

В 90-е годы до него, как и до других архитектурных памятников, никому не было дела. Музей закрылся. Кроме призрачной княжны в этих стенах могла теперь находить себе приют лишь стая ворон.

О привидении, конечно, помнили. Но назвать его по имени смог бы уже далеко не каждый. Трагедия жившей двести лет назад княжны отходила на второй план перед насущными проблемами.

Главным предметом разговоров было теперь не потрясшее город в далеком XVIII-м столетии самоубийство юной красавицы, а недавняя бандитская разборка с перестрелкой и несколькими трупами.

Впрочем, произошла она в ночь полнолуния как раз напротив полуразвалившегося княжеского дома. Так что кое-кто стал связывать эту ночную перестрелку с мистикой этого места.

Таким образом, в конце XX-го века старый дом начал обрастать новыми легендами.

2

Самой известной среди новых легенд старого дома была история об одном непутевом чудаковатом студенте. Однажды – опять же в ночь полнолуния – этот юноша, находясь в изрядном подпитии, увидел у развалин княжеского дома таинственную женщину в белом платье старинного покроя. И не просто увидел, а беседовал с ней. Содержания разговора он, впрочем, не мог передать. Запомнил лишь имя «Геката», которым назвалась призрачная дама. Рассказывал также об ее обжигающем поцелуе. Но в это уж совсем никто не мог поверить. Разве после поцелуя привидения возвращаются живыми?

Впрочем, главным в данной истории был не разговор и даже не поцелуй, а то, что призрачная дама взяла студента за руку своей ледяной рукой и увела под своды княжеского дома. И юноша побывал вовсе не среди развалин, а на блестящем балу. Он ясно помнил роскошное, в стиле барокко убранство огромного зала, мог описать великолепные люстры со множеством свечей и каждый позолоченный канделябр. Помнил оркестр на балконе, нарядных лакеев, разносящих напитки и сладости, большие зеркала в позолоченных рамах, отражающие колеблющееся пламя. Он видел расшитые золотом и увешанные царскими орденами камзолы мужчин, испещренные жемчугами и драгоценными каменья-

ми женские туалеты, юбки с широкими фижмами, напудренные парики, каблучки, стучащие по паркету, ажурные веера в тонких, унизанных перстнями пальцах. И все это вихрем неслось вокруг него.

Юноша и сам не заметил, как оказался втянутым в этот вихрь. В круженье танца он пронесся мимо зеркала, мельком взглянул в него и увидел красивого молодого господина в темно-вишневом атласном камзоле, подчеркивающем линии стройной фигуры, и коротких брюках-кюлотах. Из рукавов выглядывали кружевные манжеты, на груди красовалось пышное кружевное жабо с большой рубиновой брошью. А волосы светского красавца прикрывал белый напудренный парик. Студент не сразу узнал себя. Неужели это – его отражение? Желая удостовериться, он посмотрел на свои ноги и увидел белые шелковые чулки и туфли с золотыми пряжками.

Неожиданная причастность к волшебному миру взбодрила юношу. Он оказался совершенно не чужим этому аристократическому обществу. Его присутствие никого не удивляло. Все вокруг дружески улыбались ему.

Никогда прежде не обучаясь бальным танцам, студент начал кружиться по залу с прекрасной княжной и не мог оторвать взгляда от ее миндалевидных темно-фиолетовых глаз. Лицо княжны было осыпано таким густым слоем ослепительно-белой пудры, что казалось похожим на страшную и прекрасную маску. Оно ничего не выражало кроме ве-

личия. Черты его были абсолютно правильными, словно у снежной королевы. Бальное платье княжны, скроенное по моде XVIII-го века, со множеством оборок, рюш, бантов было абсолютно белым, словно подвенечное или саван. А ее руки в белых кружевных перчатках на протяжении всего вечера оставались ледяными.

3

Юноша не помнил, как ушел из этого дома. В качестве последствия той встречи показывал листок бумаги, на котором его почерком было записано стихотворение, начинавшееся так:

При загадочной мерцающей луне
Девы лик – Гекаты иль Глафиры —
Я увидел в зыбкой полутьме,
И тогда моя запела лира…

Далее, совершенно в духе галантного века, следовали слова о навеки разбитом сердце. Два четверостишия были посвящены Купидону и его стрелам, одно – поэтической грусти, навеянной лунным мерцанием. Затем снова шли объяснения своему предмету в любви, уверения в том, что эта любовь – вечна, и что Геката – идеал женщины. Себя поэт именовал ее верным рыцарем.

Следует отметить, что воспеваемая в стихах таинственная дама была лишь один раз названа Глафирой и пять раз Гекатой. При этом не мешает вспомнить, что юноша прежде не знал имени княжны-самоубийцы и ничего не слышал о злобной античной богине лунного света и колдовства. А еще он никогда не изъяснялся таким высоким стилем.

На следующий же день небольшая поэма была с гордо-

стью прочитана всем родственникам, друзьям и подругам. Хотя многим из слушателей стихи показались несколько старомодными, все признали их красивыми. А их автор с того дня начал считать себя гениальным поэтом, поцелованным Гекатой.

Он решил взять соответствующий псевдоним. Ломать над этим голову не пришлось. Юношу звали Альбертом Луньевым. Недолго думая, он переименовал себя в Лунного, что на его взгляд звучало намного поэтичнее.

Теперь разглядывая в зеркале свое красивое, но не слишком мужественное лицо с черными бровями и большими темно-голубыми глазами, обрамленными такими длинными ресницами, что им завидовали многие девушки, Альберт видел не простого смертного, а избранника богини Гекаты.

«Да я же непризнанный гений и последний аристократ Золовска! – сказал себе Алик. – Мне, вообще, следовало родиться не в этом веке. – Он гордо вскинул голову и улыбнулся своему отражению. – А что? Звучало бы не дурно: его сиятельство князь Альберт Лунный, владелец усадьбы на Сумрачной и нескольких крупных имений».

После бала в княжеском доме Альберт действительно изменился. В осанке его с той ночи появилась особая величавость. Сами собой развились аристократические манеры. На всех вокруг юный студент стал вдруг смотреть, как повелитель на подданных. Он не поленился основательно изучить историю рода князей Сугубовых. В какой-то момент он

начал вдруг считать себя их наследником.

С той поры Алик стал еще больше очаровывать девушек. Гордый взгляд и ореол таинственности делали его еще притягательнее для сокурсниц.

Внимание противоположного пола нравилось честолюбивому Альберту. Поклонение лунной даме нисколько не мешало ему часто влюбляться, иной раз даже в нескольких девушек одновременно. Алик слышал, что все великие поэты были ловеласами, и старался не отставать. Страсти в сердце кипели теперь жарче. Их подогревала главная страсть.

4

Каждое полнолуние Альберт приходил на Сумрачную, ожидая какого-либо продолжения. Ведь для чего-то он побывал на том балу? Для чего-то встретил свой идеал женщины? Зачем-то княжна Глафира удостоила его поцелуя? Почему-то только ему одному она открыла свое тайное имя «Геката»? Все это не могло так просто завершиться, только начавшись.

Альберт приходил, становился напротив княжеского дома спиной к пустырю и упорно ждал. Однако улица оставалась унылой и темной. А старый княжеский дом выглядел совершенно необитаемым. Альберт видел, что все окна там выбиты, и за ними зияет темнота.

Прошел месяц, другой… Закончилась весна. Пролетело лето. Погода испортилась.

Однажды осенью наш искатель мистических приключений, наконец, решился зайти за ограду. Уже в скрипе чугунных ворот прозвучало что-то зловещее. От дома веяло мертвенностью. Весь он был погружен в сумрак. Только в многочисленных лужах отражались блики фонарей, создавая причудливый орнамент.

Альберт медленно подошел к почерневшим грозным львам у парадного и увидел, что двери дома плотно заколочены. Тогда Альберт заглянул в оконный проем. В темном

заброшенном помещении царил хаос, по всем углам был разбросан мусор.

Вдруг Альберт с ужасом заметил в темноте какое-то движение. Он отпрянул. Прямо ему в лицо из окна вылетела целая стая ворон. Альберт опрометью бросился прочь от страшного дома, перебежал через дорогу к чернеющему пустырю и висевшей над ним полной луне.

Луна смотрела на Альберта словно с укоризной, будто он в чем-то провинился перед ней. Видно, не нужно было вступать во владения лунной дамы без приглашения…

5

Таинственная дама, много месяцев томившая своего избранника, наконец, на исходе долгой зимы удостоила его встречи. Правда, это произошло во сне. Но, находясь в сновидении, обычно об этом не догадываешься.

Альберт видел, будто снова идет по залитой лунным светом Сумрачной. Улица пустынна. Луна огромна.

Вдруг из ворот княжеского дома выходит *она*. Он бросается навстречу. Княжна снова берет его за руку и ведет под своды дома с колоннами. Дом, как и при первой их встрече, великолепен. Они проходят через уже знакомый Альберту роскошный зал.

Затем сама собой распахивается еще одна двустворчатая дверь. За ней открывается залитая лунным светом и окутанная серебристым туманом пустыня с голыми скалами на горизонте.

– Это – Лунное королевство, – говорит волшебная проводница. – Оно – твое. Ты здесь повелитель. Но и в Золовске ты тоже совсем скоро займешь достойное себя место. Только продолжай воспевать в стихах Гекату.

Таинственная дама усаживает своего подопечного на неизвестно откуда появившийся трон. Сидение оказывается каменным и холодным. Дама берет излучающую бледное мерцание корону и водружает ее на голову Альберта. Тот

ощущает сковывающий голову холод и догадывается, что корона сделана изо льда.

Затем Альберт слышит торжественные звуки труб, приветствующих его. И вдруг… понимает, что это звенит его будильник. Надо спускаться с трона и спешить на первую пару.

6

В то утро, скучая на лекции в университете, Альберт сложил такие строки:

Ночью бледной, полнолунной
Мне открыли эту тайну,
Тайну страшную, как в бездну
Опрокинутое небо,
Где Геката жаждет Феба
Поглотить бездонным лоном,
В ненависть свою влюбленным,
Инфернальная невеста.
Ночью бледной, полнолунной
Мне явился лик Гекаты.
Слышу грома я раскаты
И душой страдаю юной.
Своды призрачного замка
Подарили мне Глафиру.
И желанными гостями
Стали ведьмы и вампиры.

Затем стихи полились, как из рога изобилия. И в каждом последующем было все больше демонического, все чаще фигурировали вампиры и ведьмы. Но Альберт Лунный уже не мог остановиться, писал, как завороженный.

Продолжились и его ночные путешествия по Лунному ко-

ролевству, открывшему перед ним свои замки, дворцы, залитые серебристым светом волшебные города. После каждого такого путешествия рождались новые стихи. Прекрасный лунный мир затягивал молодого поэта.

Однако Альберт ждал, когда же, наконец, займет достойное себя место не только в мире снов.

7

– Деда, а вот почему все говорят: на Сумрачной – всегда грустно, скучно, тучки солнышко закрывают? – спрашивает кудрявая девочка в веснушках у величавого седобородого старика. – А мы, как не пойдем сюда – все солнышко светит.

– А это потому, что мы с тобой – Солнычёвы, солнечные мы, значит, – улыбается дедушка.

– И мама с папой Солнычевы?

– Да.

– И я Солнычева?

– Конечно. Ты, Агаша, наше маленькое солнышко! С тобой везде светло и радостно.

Глава 3
Натуральная блондинка

Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу.
Николай Карамзин. Бедная Лиза

1

И в бурные девяностые выдавались иной раз тихие вечера, когда предзакатное солнце золотит кроны деревьев и крыши домов, а в воздухе разлит запах жасмина и смешанная с ним безмятежная радость бытия. Именно в такой теплый летний вечер в Золовске начиналась одна история любви. Впрочем, ее с тем же правом можно назвать и историей ненависти.

В городском парке играла музыка. Неважно, какая. Предположим, какая-нибудь популярная тогда песенка – из тех, что забываются через пару дней. По аллеям вокруг сломанного фонтана прогуливались горожане, пытавшиеся в воскресный день забыть о повседневных заботах своего непростого времени.

Среди всех выделялся один эффектный чернобровый красавец в «вареных» джинсах и черной футболке, красиво

облегавшей его стройную фигуру. Он никого не замечал вокруг. Шествовал такой царственной походкой, словно был владельцем и этого парка и всего города.

Молодого человека держала под руку не менее эффектная длинноногая девица с копной взъерошенных химической завивкой волос и яркими полосками румян на скулах, одетая в мини-юбку и широкий «плечистый» свитер.

– Алик, ну ты слушаешь меня? – тараторила девица. – Я говорю, что сексуальная революция избавляет людей от лицемерия. Согласен?

Однако ее самовлюбленный спутник в этот момент не удостаивал внимания даже свою подругу. Различал лишь, что речь как всегда шла о сексуальной революции.

Но Альберт являлся противником каких бы то ни было революций. Его сердцу была близка та овеянная романтикой старина, когда одетые в изящные камзолы князья Сугубовы владели душами своих крепостных, а за один и тот же поступок женщина считалась падшей, а мужчина героем, выигравшим сражение.

Впрочем, в эту минуту Альберт Луньев не вступал с подругой даже в мысленный спор, ибо просто-напросто не слышал ее. Он лишь представлял, как ведет свою даму в шикарный ресторан, как заказывает что-то, соответствующее своему изысканному вкусу, а затем они вступают под своды пятизвездочного отеля, где наш аристократ только и чувствовал бы себя на своем месте.

Но правда жизни была иной. Стипендия позволяла предложить подруге лишь порцию дешевого мороженого. Порывшись в кошельке, Алик нашел среди талонов на крупу и сахар несколько огромных, как носовые платки, но ничего не стоящих купюр. Подошел к продавщице.

Он уже протянул ей деньги, как вдруг замер, зачарованный. На него смотрели чистые, как брызги росы, серые глаза. За прилавком стоял юный белокурый «ангел». Простое, наивное, лишенное косметики лицо вполне могло остаться незамеченным. Но Луньев, ценитель утонченной красоты, обратил на него внимание и тем гордился. Нашел он в этом юном создании какую-то неземную чистоту. Особый восторг вызвали словно сотканные из солнечных лучей длинные волосы девушки. «Натуральная блондинка, – отметил про себя Альберт. – Эта, верно, и слов-то таких не знает – «сексуальная революция».

2

На следующий вечер Алик Луньев пришел сюда с тремя белоснежными лилиями.

– Они похожи на вас, – сказал он, протягивая цветы.

– Это… Вы чего? – смутилась продавщица мороженого. – Это мне что ли?

Оказалось, что «ангела» зовут Валентиной Казематовой. Когда Алик в тот вечер провожал ее до дома, она всю дорогу смущалась, из-за чего невпопад хихикала. При этом она жутко боялась переходить улицы и ежеминутно спрашивала у своего спутника, который час.

– Не-е! Вы чего? Мне опаздывать – не годится. Что хозяйка-то подумает? (Ну, у кого я на квартире). Скажет, без году неделя в городе, а уж ухажера подцепила.

– А вы откуда, Валенька?

– Слыхали деревню Камышовку? Не слыхали? Так вот я оттудова.

– А вы скажите своей хозяйке, что после работы достопримечательности Золовска осматривали.

– Это всякие там дома старые что ли? Вроде этого? – Валя заглянула через забор на полуразвалившийся старинный особняк с мезонином, остатками четырех колонн, мрачно черневшими проемами арочных окон и грудами камней вокруг. – Да на него посмотришь – мурашки по коже бегут.

Тут, будто, нежить какая водится.

– А вы включите-ка воображение и представьте, каким этот дом был когда-то.

Валя еще раз всмотрелась в развалины.

– Да, видать, дворец был.

– Ну, дворец, не дворец, а дом приличный. Знали бы вы, моя дорогая, какие тут балы когда-то гремели. А угадайте, кто здесь жил?

– Кто?

– Одно княжеское семейство.

– Что? Настоящие князья?! – восторженно воскликнула Валя.

– Какой же вы милый ребенок, Валенька! – улыбнулся Алик. – А теперь, сударыня, позвольте представиться – князь Альберт Лунный, законный владелец этого, как вы изволили выразиться, дворца.

– Да, ну вас, Алик! – Валя потупила взгляд, пряча смущенную улыбку. – Смеетесь вы надо мной…

– Ой! Кто это?! – взвизгнула она вдруг.

В оконном проеме мелькнул женский силуэт.

– Да, вы, Валенька, не иначе, призрак княжны увидели.

– Какой-такой княжны?

– Это – дом с привидением. – Луньев лукаво улыбнулся.

– Опять смеетесь?

– Ну, не сердитесь! Да, привидение, обитающее в этих развалинах, многие считают выдумкой. Хотя слухи о нем

не прекращаются в течение почти трех веков. А вот княжна Глафира Сугубова действительно существовала. Это уже – исторический факт. Будучи девицей двадцати лет отроду она застрелилась в собственном будуаре. Причины этого самоубийства до сей поры остаются для всех загадкой. А загадочные личности, как известно, – притягательны.

– А я так думаю, – сказала Валя, – видать, соблазнил какой прощелыга княжну-то, да и бросил. Что ей, бедной, оставалось делать-то?

Алик посмотрел на спутницу изумленно.

– По-вашему, стало быть, любовные драмы стоят того, чтобы сводить счеты с жизнью?

Вдруг Вале показалось, что из другого черного оконного проема выглянуло бледное, как смерть, лицо.

– Алик, – испуганно прошептала Валя, судорожно впившись пальцами в руку своего спутника, – бежим!

Луньев рассмеялся.

– А вы, Валенька, я вижу, впечатлительная особа. И привидение, судя по всему, к вам не благосклонно. Не следовало мне приводить вас на Сумрачную. Что ж, идемте на более оживленные улицы.

3

Спустя несколько месяцев Валентина уже чувствовала себя горожанкой. Теперь она знала дорогу от своей квартиры не только до места работы, но и до дискотеки, кафе, кинотеатра и, конечно, до квартиры Альберта Луньева. Она полюбила многолюдные улицы и открыла вдруг в себе интерес к достопримечательностям. Свои длинные шелковые волосы Валя остригла и завила, «ангельские» глаза стала жирно обводить черным карандашом, юбку укоротила.

Луньев тщетно пытался объяснить Вале, что прежней она нравилась ему больше. Она только сердилась на его слова. Он знал, что никогда не найдет в Валентине того лоска, который видел в своих прежних гламурных подружках. Вместе с тем в деревенской девушке было нечто более ценное и прекрасное, что очаровывало с первого взгляда. Было, но теперь бесследно исчезло. То, чем она превосходила городских девушек, утратилось, а в остальном она не могла с ними соперничать.

Хотя Алик влюбился пылко, но оказалось, что влюбился не в человека, а в одно лишь качество, которого не доставало ему самому. Качество, именуемое целомудрием.

Теперь же Альберт с ужасом обнаруживал, что в его возлюбленной нет совсем ничего достойного внимания. «И такая клуша станет моей женой! Музой поэта!» – с содрогани-

ем думал он.

Тем не менее, этот брак казался неизбежным. Валя ждала двойню, как показывало УЗИ. Об аборте она не желала и думать. А Луньев считал себя благородным человеком.

Однако этому благородному человеку совершенно не хотелось оказаться вдруг отцом нищего семейства.

Глава 4
Новое знакомство

Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себе денег, значит я должен жениться на богатой.
Александр Островский. За чем пойдешь, то и найдешь

1

Как-то вечером Альберт Луньев в смятении чувств переступил порог одного бара. Это было довольно дорогое для студенческого бюджета заведение. Но в ту минуту Аликом владело желание «умереть с музыкой». Он ведь так устал от внутренней борьбы, от решения неразрешимых задач! Захотелось, чтобы все летело в тартарары.

Алик заказал рюмку пятизвездочного коньяка и вдруг понял, что больше ни на что у него не остается денег. Некоторое время он сидел напротив стойки, устремив взор куда-то в пространство за спиной бармена. Но глядел он не на выставленные в витрине напитки с яркими этикетками и даже

не в собственные мысли, а на отражающиеся в стекле мерцающие, завораживающие огоньки. Ведь внятных мыслей у него в эту минуту тоже не было. Алик не знал, что предпримет в создавшейся ситуации, да и не желал ничего предпринимать. Ему тяжело было даже думать о необходимости каких-либо решений. Хотелось беззаботно плыть по течению среди мерцающих огоньков.

Вдруг Алик заметил стоящий рядом высокий хрустальный бокал, наполненный вином янтарного цвета. Бокал то приподнимали, то вновь ставили, то нервно передвигали с места на место женские пальцы с полустершимся пурпурным лаком на длинных ногтях. На среднем пальце сиял огромный рубин в золотой оправе, а безымянный украшало изящное платиновое колечко с тремя маленькими бриллиантами. Алик был врожденным знатоком драгоценностей и без труда догадался об имущественном положении своей соседки.

Он поднял взгляд на обладательницу «бесценной» руки. Рядом с ним сидела молодая крашеная блондинка с пробивающимися корнями темных волос и грубоватыми чертами лица. Как сам он минуту назад, она глядела в никуда. По щекам ее текли слезы, смешанные с тушью.

– У вас что-то случилось? – участливо спросил Альберт.

Алика трогало горе любой незнакомой, хоть сколько-то миловидной женщины.

– И здесь нет покоя! – глухо прорычала незнакомка и от-

вернулась, нервно искривив дрожащие губы.

Вдруг она со злобой, точно винила в чем-то своего соседа, выпалила:

– Поминки у меня сегодня! Понимаешь? Поминки! Мужа моего сорок дней назад пригрохали. В ночь полнолуния возле того чертова дома с привидением. – Она нервно усмехнулась сквозь слезы. – Вот и не верь после этого в мистику.

– Это, конечно, не мое дело, – сказал Луньев. – Но, по-моему, вам сейчас было бы легче в кругу близких людей.

– Снова видеть пьяные рожи его братвы? – уже более охотно продолжила разговор незнакомка. – Нет уж! Одна я хочу побыть. Понимаешь? Одна! – Тут она в первый раз взглянула на своего соседа и как-то загадочно проговорила: – Да уж теперь, видно, не получится…

Несколько минут женщина в упор рассматривала Алика взглядом, который нельзя было назвать ни добрым, ни злым. Так вообще не смотрят на людей. Так оценивают очередной бриллиант в ювелирном магазине, соображая, стоит ли его приобретать.

Наконец, продолжая глядеть в упор, она без смущения и без вызова просто протянула руку:

– Регина.

– Альберт. – Он ощутил ее крепкое рукопожатие.

– Эй, бармен, еще вина! И закуски на двоих.

Наевшись омаров и устриц, и уже сидя в «Мерседесе» новой знакомой, Алик поймал себя на мысли, что обрел, нако-

нец, долгожданное беззаботное настроение.

2

Прошел месяц. И вот уже вполне осуществимой сделалась мечта Альберта выкупить и отреставрировать родовое имение князей Сугубовых. Альберт давно считал его своим по праву.

Да и стихи теперь можно будет издавать любыми тиражами, хоть в кожаном переплете с золотым тиснением. Вот тогда уж никто не посмеет назвать его бездарным! Его имя будет на устах у всех жителей города. Да, что города? Всей страны! Разве это – не признак гениальности?

Так неужели между великим Альбертом Лунным и его мечтой может стать какая-то Валя из Камышовки? Альберт начал почти ненавидеть недавнюю возлюбленную, как мозолящую глаза преграду на пути к счастью.

«Ведь, если вдуматься, ей-то самой зачем я нужен? – пытался он оправдаться в собственных глазах. – Что я ей могу предложить? Поселиться в однокомнатной малометражке с моей матерью?»

Мать Альберта была учительницей французского языка и в свободное от работы время давала уроки на дому. Альберт не мог себе и вообразить, как ее занятия с учениками совмещались бы с присутствием в том же помещении двух кричащих младенцев.

Алик с детства привык делить это помещение на двоих

с матерью. Отца своего он не помнил, и мать никогда о нем не рассказывала. От родственников Алик слышал, что его безответственный папаша давно ушел из семьи к другой женщине и забыл о существовании сына.

«А если я стану владельцем солидного состояния, – продолжал рассуждать Альберт, – и Валя, и ее двойняшки могут рассчитывать на материальную поддержку. Да и тайные свидания не заказаны».

3

Попытка Альберта объясниться с Валентиной не увенчалась успехом. Из всего, сказанного Аликом, Валя поняла лишь самое главное. Она громко разрыдалась и раскричалась:

– Ты хочешь бросить меня! Бросить! Одну с двумя детьми! Сволочь!

– Дура! – оборвал ее Луньев и ушел, хлопнув дверью.

– Валюш! Что случилось? – послышался голос вошедшей квартирной хозяйки. – Я слышала крики.

– Ничего, Марь Иванна, – механически слетело с губ Вали (казалось, Валентина не слышала ни заданного вопроса, ни собственного ответа). – Я сейчас, сейчас…

Ничего не видя перед собой, похожая на сомнамбулу, Валентина Казематова медленно вышла на балкон. А затем – хозяйка успела лишь вскрикнуть – Валя бросилась вниз с четвертого этажа.

Секунду, казавшуюся вечностью, на устах Валентины висело проклятие. Все ее существо было переполнено этим проклятием. И несчастная ощутила, что проклятие черной тенью окутало всю ее жизнь и две другие жизни, находящиеся в ней…

Боли не было. Только сердце в груди замерло.

Валентина зажмурила глаза и вдруг отчетливо увидела пе-

ред собой мертвенно-бледное женское лицо. На нее в упор смотрела женщина в напудренном парике. Кровожадные алые губы искривляла злорадная усмешка. Где-то Валя уже видела прежде это лицо. Ах, да, в окне княжеского дома.

Почему оно не исчезает? Почему мучает ее? Ведь она же зажмурила глаза. Но страшная женщина продолжает смотреть на нее.

«Уйди, уйди прочь!»

4

Валентина Казематова металась на больничной койке и еле слышно стонала:

– Уйди, уйди прочь!

В тот день врачи городской реанимации делали все возможное. После заведующий сам поражался результату, который даже ему казался фантастикой. В живых остались и сама пациентка, и оба ее дожидавшихся своего часа ребенка.

– Это просто чудо! – качал он головой, беседуя с прибывшей из Камышовки Валентининой матерью. И уже мрачнее добавлял: – Однако больше мы ни за что не ручаемся.

Глава 5
Два рождения

Дети, рожденные Геей-Землей и Небом-Ураном,
Были ужасны и стали отцу своему ненавистны.
Гесиод. Теогония

1

То, что Валентина Казематова родила, спустя несколько месяцев, саму ее повергло в шок. Вернувшись из родильного отделения городской больницы в родную Камышовку, Валентина на три недели затворилась в своей комнате.

Зинаида Ивановна, мать Валентины, спешила окрестить произведенное на свет существо. Она полагала, что тому остается жить считанные дни.

Молодой священник в первую минуту и сам был шокирован зрелищем развернутого перед ним младенца. На какой-то миг он даже усомнился в возможности совершить над этим ребенком таинство крещения. Но, покопавшись в старинном требнике, он объявил, что в данном случае следует крестить двух человек.

Вот мы и подошли к главному. Что же такое произвела на свет Валентина Казематова? Во-первых, сына. Но не толь-

ко.

Дело в том, что на груди мальчика, прямо под ключицами, располагалось еще одно совершенно крошечное младенческое личико с глазами, носом, кричащим ртом, едва различимыми, наполовину сросшимися с туловищем ушными раковинами. Вросший в грудную клетку второй череп был не больше перепелиного яйца. Где-то в области живота билось второе сердце. Второе человеческое существо обладало лишь органами восприятия и сознания. Это было все, что осталось от ожидавшегося близнеца. Легкие имелись одни на двоих. Вдыхать воздух двуглавый младенец мог как через один, так и через другой нос. Зинаида Ивановна вскоре поняла, что второе лицо внука беспрепятственно можно прятать от любопытных взглядов под одеялом, не опасаясь, что младенец задохнется.

Владелец всего тела был наречен Мстиславом. Валентина успела лишь однажды услышать это имя из обрывков разговора на площади перед золовским театром. Но имя запало ей в душу. Возможно, тем, что, будучи мало привычным, казалось «городским». А, возможно, в нем звучало стремление к мести, которой кипело ее сердце.

Как был назван второй ее младенец, Валентину не заботило. Ведь этот второй был для нее не человеком, а лишь уродством, испортившим ее дитя. Да и в свидетельстве о рождении именовался лишь один ребенок – Мстислав Казематов с прочерком в графе «отец».

– Тяжкий крест, – сказал напоследок священник, – особенно у второго ребенка.

2

Вскоре Валентина вновь засобиралась в Золовск.

– Моченьки моей нету здесь оставаться! – выла она. – В городе народу много, никто никого не видит, я и затеряюсь в толпе. А тут меня каждая собака знает. Все пальцем тычут, а не тычут, так за спиной шушукаются.

– Да, ладно тебе, доченька, – успокаивала ее мать. – Не ты первая, не ты последняя. Вон и у соседей наших дочка тоже в девках родила. Так бабы почесали языки, да и забыли. А малец вон бегает по деревне красивенький да здоровенький, все на него радуются.

Тут Зинаида Ивановна прикусила язык, поняв, что сказала лишнее.

– То-то и оно, что красивенький да здоровенький, – схватилась за ее слова Валя. – А я на всю жизнь останусь для всех матерью чудища болотного.

– Да нельзя ж так, Валенька, про собственное-то дитятко!

– А если я его ненавижу! Если мне это луньевское отродье всю молодую жизнь загубило!

– Ой! – всплеснула руками мать.

– Я, мам, уже решила: через месяц – в Золовск. Устроюсь на стройку сварщицей. А этого, – она кивнула в сторону коляски, – пока тут оставлю, а там видно будет.

3

Тем временем отгремела на весь Золовск роскошная свадьба Альберта и Регины.

Глядя на эти торжества, Валентина, как завороженная, твердила:

– Нет ему без меня счастья, гаду этому, и не будет вовек.

Слышавшие ее слова лишь удивленно качали головами и крутили пальцем у виска. Помешалась, мол, в рассудке после пережитого горя.

Вскоре весь Золовск облетела весть о том, что развалины княжеского дома были выкуплены у городских властей человеком, объявившим себя дальним родственником его исконных владельцев. Родословная новоиспеченного «князя», разумеется, никого не интересовала. Достаточно было сведений о доходах торгово-закупочной фирмы, которую возглавляла его супруга.

Новые владельцы старинной усадьбы подвергли ее самому современному капитальному ремонту. Старый княжеский дом превратился в современное комфортабельное жилище с кондиционерами, качественной бытовой техникой, пластиковыми окнами. Безмятежный уют княжеского гнезда оберегался теперь возведенными вокруг усадьбы мощными каменными стенами.

Семейство Луньевых ожидало пополнения. К рождению

наследника супруги спешили отремонтировать большую часть жилых помещений. В положенные сроки на свет родился очаровательный малыш, которого назвали Антоном.

– Ох, и намается в жизни этот парень, – злобно скрежетала зубами Валентина Казематова. – И Алик с Регинкой с ним намаются. Потому, как на всем их роду – страшное проклятие.

– Уж не ты ли, Валь, прокляла? – спрашивали подруги, удостоившиеся ее откровений.

– А хоть бы и я. Слово мое крепко! Сама я свалилась в пропасть. А проклятие, вышедшее из пропасти – ох, какое ужасное!

– Да, ты, Валька, – ведьма!

– А что я-то? И без меня их дом проклят. Никому в том страшном доме не будет ни дна, ни покрышки. А мальчишка этот, Антошка, помается-помается, да и сиганет из окошка, иль удавится, иль вены себе порежет.

– Отчего ж ему в таком-то дворце да с прислугой да красивому и здоровому маяться? – удивлялись подруги.

– Богатство-то и красоту все видят, – пророческим тоном продолжала Валентина, – а душа чужая – потемки. А может, в душе той – пропасть адская, похлеще той пропасти, в которую я со своим уродцем свалилась. Ведь и княжна, та, что привидением стала, в богатстве купалась и красавицей была неописуемой, а вот взяла, да и застрелилась.

4

Перед мысленным взором Альберта Луньева изредка всплывал образ деревенской красавицы Вали. Но воспоминание это было для него так мучительно, что он всякий раз старался скорее выбросить его из памяти. Ведь оно заставляло вспоминать и о совершенной подлости.

Если же по случайности Альберт вдруг встречал на улице постаревшую, огрубевшую, осунувшуюся женщину с выцветшими глазами, он пугался ее, словно привидения. Эта женщина не могла быть его возлюбленной! Она была ее страшным призраком!

Однажды он увидел ее ведущей за руку сгорбленного ребенка. «Он не может быть моим сыном, – говорил себе Альберт, – потому что… это просто невозможно!»

Сознание отказывалось вмещать истину, лишавшую душевного комфорта. Легче всего было думать, что жила когда-то на земле милая девушка Валя, но умерла. Еще легче было не думать вовсе.

Ведь как-никак начиналась новая жизнь с молодой женой.

Поначалу Альберта коробило, что такая «великая личность», как он, продает себя за деньги. Но, совершив бесчестный поступок однажды, легче совершать его снова и снова. После случая с Валей Луньев где-то в самой глубине души потерял самоуважение.

Он видел, что и жена его не уважает. Для Регины муж-альфонс, не помогавший ни в бизнесе, ни в домашних делах, ни в заботе о ребенке, являлся лишь предметом роскоши, красивым, породистым домашним животным. Он был для нее скорее вожделенной вещью, чем человеком. А от вещи, как известно, не ждут ни поддержки, ни любви.

Чем больше Альберт Луньев понимал это, тем неистовее требовал от окружающих внешних проявлений уважения к своему новому социальному статусу.

Глава 6
Погоня за химерой

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Федор Тютчев. Silentium

1

За изысканными арочными окнами шумел начавшийся XXI век. А в расположенной на втором этаже детской, на мохнатом зеленом ковре играл маленький мальчик. Он увлеченно сооружал что-то из огромных, в половину его роста, кубиков. На каждой грани была изображена буква и соответствующая ей яркая картинка.

Вчера Антоше Луньеву (так звали ребенка) исполнилось шесть лет. Кубики он получил на день рождения от бабушки. Подарком мамы была железная дорога, раскинувшаяся несколькими петлями через всю детскую, с большим вокзалом, тоннелем, двумя мостиками, красным паровозиком и блестящими синими вагончиками, подчинявшимися тому, кто держал в руке пульт управления. Но больше всего шума

произвел папин презент – старинная сабля в ножнах, инкрустированных драгоценными камнями. Ее, впрочем, тут же повесили на недосягаемую для ребенка высоту.

То, что Антоша сейчас собирал из разноцветных кубиков, было взрослым словом «счастье». В свои шесть лет Антоша уже знал это слово и как будто понимал его значение. Но вместе с тем он так же твердо знал, что никогда не поймет его.

Антоша Луньев рос молчаливым, замкнутым ребенком. Тонкий, но не по годам рослый, он обладал редкой, какой-то неземной, красотой. Пышная шапка иссиня-черных волос обрамляла матово-бледное детское личико с утонченными чертами. Но особенно поражали глаза – огромные, во все лицо, глубокие, вишнево-карие, с голубоватыми белками, длинными пушистыми ресницами. Они глядели всегда печально и задумчиво. Что они таили в себе? Миры, переполненные какими чудовищами, скрывались в этой детской душе?

Но вернемся-ка на три дня назад и попытаемся вместе с Антошей поймать ускользающую химеру.

2

Был день, когда Антоша задался целью получить исчерпывающий ответ на вопрос о счастье. Разумеется, он обратился к взрослым, которые должны были знать все уже по одному тому, что они взрослые. Так, по крайней мере, ему казалось до шести лет. Первым делом Антоша отправился в кабинет отца.

В этой комнате с воссозданным интерьером XVIII-го века, все дышало барочной роскошью: и вычурной формы книжный шкаф с позолоченными ручками в виде львиных голов, и кресла с причудливо изогнутыми подлокотниками, и стоявшие на камине позолоченные часы с маятником, а напротив них – бронзовая статуэтка обнаженной нимфы. Мебель и стены здесь изобиловали лепниной, изображавшей фигурки разнообразных мифологических существ, по большей части пухлых амуров. Они смотрели на входящего со всех сторон, создавая неприятное ощущение присутствия в комнате кого-то постороннего.

«Не люблю я у тебя тут бывать, – злилась порой на мужа Регина. – Из всех углов какая-то хрень смотрит!»

Сын застал «князя» и поэта Альберта Лунного дремавшим в кресле.

Если быть до конца точными, следует заметить, что после женитьбы Альберт Евгеньевич не написал ни строчки.

Он лишь издал цикл стихотворений о полнолунии и лунной даме, написанный когда-то, и благополучно забыл о творчестве. Теперь он погрузился в негу и лень, что находил не менее поэтичным. И продолжал величать себя поэтом.

Темно-вишневый атласный халат свободно облегал округлившуюся мужскую фигуру, скрывая выросшее за шесть лет беззаботной жизни брюшко. Всклокоченные пепельные волосы и тонкие бакенбарды подчеркивали бледность лица. Выражение горделиво поджатых губ и поднятых бровей указывало на гипертрофированное чувство собственного достоинства и нарциссическое упоение собой. В то утро хозяин кабинета предавался меланхолии, как это всегда бывало после затянувшегося на полночи шумного застолья. Он был еще более, чем всегда, «романтически» бледен и взгляд имел еще более «отрешенный от земной суеты».

– Счастье, ты говоришь, дитя мое? – переспросил Луньев-старший, многозначительно вздохнув и устремив печальный взор своих еще не протрезвевших водянисто-голубых глаз на горевшие в камине поленья. – О, счастье – это призрак! За ним можно гнаться всю жизнь, но ты так и не сумеешь схватить его руками. – Он сомкнул веки и еле слышно прошептал: – Ах, Ирэн, счастье мое! – И разом встряхнувшись, снова обратился к сыну: – Антуан, не говори, пожалуйста, маме, что здесь была тетя Ира. Мы, мужчины, должны выручать друг друга.

3

В следующую минуту Антоша по шуму, доносящемуся с первого этажа, понял, что приехала мама.

«Княгиня» Регина Григорьевна Лунная, урожденная Сиволапова, крайне редко в этом часу возвращалась из своего офиса. Разве что за каким-нибудь особо важным документом, который не могла доверить ни одному из сотрудников. Вот и сейчас как всегда стремительной походкой она направлялась к своему кабинету.

Антоша поспешил за ней.

Строгий серый костюм и гладко зачесанные волосы как бы предупреждали, что этой серьезной женщине не до шуток. Или даже, что шутки с ней плохи. В ее облике угадывался человек, по горло занятый делами, но отнюдь не безразличный к своей внешности. Напротив, обязанность быть музой поэта легла еще одним грузом на плечи Регины Григорьевны. Бизнес-вумен несла этот груз с надрывом, как иная домохозяйка тяжелую хозяйственную сумку. Она не позволяла себе выйти из дома без сложного многослойного макияжа. В промежутках между многочисленными делами, в ущерб отдыху и сну, выискивала время на маникюр и салон красоты. В эту минуту Регина Григорьевна тяжело, хотя и быстро, шагала в сжимавших ноги узких туфлях на высоких каблуках.

Однако ее светлый кабинет с белыми стенами, белыми жа-

люзи на окнах и современной оргтехникой являлся полной противоположностью нагроможденному предметами роскоши обиталищу ее мужа. Все здесь было функционально, рационально, ни одной бесцельной вещи. Здесь Регина Григорьевна позволяла себе быть самой собою – деловой женщиной, умеющей и желающей делать деньги.

С висящей на стене фотографии смотрел бритоголовый брутального вида мужчина с короткой бычьей шеей и мощной презрительно выпирающей нижней челюстью. Тупо-надменным взглядом он словно одобрял кипучую деятельность своей вдовы.

Регине нравилось видеть в погибшем бандите сказочного волшебника, поднявшего ее на такие высоты. Но вместе с тем было приятно, что прежний муж смотрит на нее теперь лишь с фотографии, а рядом находится нынешний недотепа.

Регина Григорьевна перебирала бумаги, вытащенные из сейфа, когда услыхала вопрос сына:

– Мам, а что такое призрак?

– Призрак – это галлюцинация, – не отрывая взгляда от документов, дала она четкое, без всякой мистики, определение и уточнила: – Это, Антош, когда видишь или слышишь то, чего на самом деле нет.

– Как во сне? – переспросил сын.

– А на кой хрен тебе, Антошка, дался призрак? – Мать первый раз подняла усталые глаза на сына. – Наслушался что ли этих бредней о призраке княжны? Выброси из голо-

вы! Иначе свихнешься, как твой папаша.

– Я хочу знать, что такое счастье.

– Ну, вот, опять суешься с какой-то фигней! Не видишь что ли, сынок, что мама занята делом?

Разыскав, наконец, нужный документ, Регина Григорьевна опрометью вылетела из кабинета. Через секунду отдаляющийся стук ее каблуков был слышен уже с лестницы.

4

Несколько секунд Антоша в раздумье постоял в коридоре. Затем взялся за ручку двери, ведущей в бабушкину комнату.

Мелодично зазвенели висящие над дверным косяком хрустальные колокольчики. На Антошу пахнуло пряным ароматом восточных благовоний. Внук переступил порог комнаты, где все шкафчики, комоды, столики и тумбочки были уставлены множеством экзотических сувениров, к которым не разрешалось прикасаться. Меж тем Антоше давно хотелось поиграть с этими фарфоровыми жабами, державшими во рту монеты, со смешными пузатыми человечками, поменять местами выстроившихся в ряд по росту слоников, помахать в воздухе монетным деревом или снять со стены гигантский веер, которым мог обмахиваться разве что великан. Все эти сокровища находились под присмотром глядящих с фотографий лукаво улыбающихся восточных гуру и хмурых народных целителей.

– Тосик, дитенок мой сладенький! – запричитала бабушка Клавдия Васильевна Сиволапова, мать Регины Григорьевны, довольно бодрая пожилая женщина, скорчив плаксивую гримасу. – Счастья нет у моей кровиночки! Это ж надо! Вон у Голенищевых дети день и ночь во дворе бегают, здоровые, как лошади! А ты, моя рыбонька, все в четырех стенах сидишь! Кушаешь плохо! Вечно бледненький, аж зелененький

весь! Где только шляется эта бездельница нянька?! – Бабушка приоткрыла дверь и прокричала на весь коридор: – Наташка! На-та-аш-ка-аа!

В комнату вбежала, набегу поправляя очки, интеллигентного вида женщина лет сорока пяти.

– Ты посмотри, дармоедка, что ты с ребенком сделала!

Няня испуганно оглядела малыша, отыскивая на нем следы травм и ушибов.

– У ребенка счастья нет, – рассеяла ее недоумение Клавдия Васильевна и взглянула на часы. – Ну, да, ладно, некогда мне тут… Через пятнадцать минут – начало. Не-е, ты не представляешь… всего один день в городе!

– Это вы о том заезжем шарлатане? – еле скрывая ехидную усмешку, спросила няня.

– Не о шарлатане, а о самом настоящем дипломированном экстрасенсе! – рассердилась хозяйка и ткнула своей подчиненной в лицо газету. – Во! Гляди: магистр белой и черной магии. И во-ааще, не спорь со мной, а займись ребенком.

– Да уж, тяжелый случай! – пробормотала себе под нос материалистка-няня, имевшая естественнонаучное образование. – Поистине патологическое пристрастие к лженаукам!

– Больно умная?! – расслышала ее шепот хозяйка. – Ты, Наташк, давай не зазнавайся, а ни то живо отсюда вылетишь. Небось, нигде стока не получишь, скока мы тебе платим.

5

Антоше ничего не оставалось делать, как вернуться в детскую и переадресовать вопрос о счастье няне – кандидату наук Наталье Аристарховне.

– Неужели и впрямь интеллектуальные потребности появляются лишь там, где полностью удовлетворены все прочие? – спросила саму себя Наталья Аристарховна, с любопытством разглядывая Антошу. – А о смысле жизни думает лишь тот, кто действительно живет, а не выживает? – Она на минуту задумалась. – Тогда почему же не у всех обитателей этих княжеских хором различимы проблески интеллекта?

– Теть Наташ! Отвечай! – Антоша в нетерпении дергал няню за рукав.

– Антошечка! – Наталья Аристарховна натянула на лицо улыбку. – А тебе никогда не приходило в голову, что счастье – это богатые родители, роскошный дом, лучшие игрушки, в общем, все то, о чем другие дети и мечтать не смеют? Не казалось, что ты живешь, словно принц? Говоришь, счастье руками схватить нельзя? – Голос няни все больше срывался на крик. – Пусть я потеряю эту работу, но я все скажу. Вот послезавтра твой день рождения. Гостей ожидается, словно на бал к королеве, громадный торт, все мыслимые развлечения, вечером – фейерверк. Да ты счастье не то, что

руками схватишь, ты так его пережрешь, что писать и какать будешь счастьем! Да ты просто с жиру бесишься, буржуй маленький! – Наталья Аристарховна со слезами выбежала из комнаты.

Антоше сделалось жаль няни. Он не понимал, что с ней случилось, и за что она так рассердилась на него. Антоша и подозревать не мог, что у няни за пределами детской есть какая-то собственная жизнь с собственными проблемами. И что ради решения этих проблем Наталья Аристарховна ежедневно вынуждена посещать дом, обитатели которого, хотя на первый взгляд и забавны, но иной раз ей здесь бывает совсем не до смеха.

Антоша с нетерпением ждал того знаменательного дня, когда ему было обещано самое непосредственное и ощутимое соприкосновение со счастьем.

Глава 7
Долгожданный день

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье, какое роскошье! Всего много, все есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось.
Царевна Несмеяна. Русская народная сказка

1

День этот настал. И было все, что планировалось: несколько десятков гостей, дорогие подарки, два длинных стола, взрослый и детский, ломящиеся от яств, огромный торт в виде сказочного замка с шестью горящими башнями-свечами.

После праздничного обеда малыши рассыпались по парадному залу, предоставленному им для игр.

Антоша еще на некоторое время задержался в столовой. Он недоуменно глядел по сторонам. Когда же появится обещанное счастье?

Меж тем взрослые продолжали оставаться за своим столом, уставленным изрядным количеством спиртного, и со-

ревноваться в выдумывании тостов. Особенно преуспевал в этом сам хозяин, изощряясь в изяществе словесных оборотов. Наконец, он предложил выпить за свою музу. А, когда все повернули головы в сторону хозяйки дома, торжественно проговорил:

– За Гекату Суккубову, самую прекрасную женщину в мире!

Регина опустила глаза и попыталась спрятать раздражение за кривой усмешкой.

– Как? Вы не знаете, кто это? – продолжал Альберт. – Но ведь Глафира Сугубова известна всем в этом городе. Однако лишь мне одному, подчеркиваю, мне одному она открыла свое настоящее имя! Каждую лунную ночь, подчеркиваю, лунную, когда жена моя уже видит сны, ко мне приходит моя луноликая муза Геката Суккубова.

– Очень даже верим, – усмехнулся кто-то на противоположном конце стола. – Все знают, какой ты ловелас.

Регина незаметно переставила бутылку коньяка подальше от мужа и налила в его бокал гранатового сока. Нервно поправив бриллиантовое колье на крепкой шее, она с вымученной улыбкой предложила выпить за успех своего бизнеса.

Регина Луньева надеялась выглядеть сегодня неотразимо. И платье-то она заказала у лучшего модельера, и брови-то выщипала в лучшем салоне красоты, и драгоценности нацепила самые роскошные, и из волос соорудила на голове что-то умопомрачительное. Но рядом с облаченной в черное, по-

чти совершенно естественной кареглазой нимфой Ириной, казалась расфуфыренной, размалеванной куклой.

Опорожнив бокал, Луньев недоуменно посмотрел на жену. Он не желал признаваться, что позволил оставить себя в дураках. Звонко грохнув бокал об пол, Альберт Евгеньевич воскликнул:

– Эх, толпа никогда не понимала гения!

Регина Григорьевна дернула мужа за рукав смокинга и бросила на него из-под старательно нарисованных черных дуг строгий взгляд своих быстрых, въедливых неопределенного цвета глаз. Этих глаз было почти не различить в тени длинных приклеенных ресниц, похожих на мохнатые паучьи лапки.

Приглашенная в гости свекровь, Вероника Георгиевна Луньева, в этот момент особенно оживленно беседовала с одной пожилой дамой. Она упорно делала вид, будто ничего особенного не происходит.

Из-за стола решительно встала теща, Клавдия Васильевна Сиволапова. Увлеченная одной из новомодных оздоровительных методик, она была здесь единственной, кто вообще не коснулся спиртного.

– Праздник-то, вроде, – детский. А для моего зятя – только повод налакаться до поросячьего визга, – проворчала она и с выражением самодовольной жертвенности добавила: – Все! Иду дарить радость детям!

Антоша поспешил ретироваться в предвкушении «радо-

сти», заключавшейся в слушании однообразных назидательных историй и игр под бдительным оком бабушки.

2

Убежав из столовой, Антоша принялся бродить по большому старинному дому, помнящему не одно поколение князей Сугубовых. Современные преобразования не до конца обезобразили дворянское жилище. Дух веков продолжал витать в этих стенах, скрипеть половицами, сгущаться тенями в углах, сквозить во взглядах князей и княгинь, богинь и чудовищ, глядящих со старинных картин.

Неведомо, сколько времени Антоша блуждал по дому. Вдруг на лестнице, ведущей в мезонин, он заметил полоску света, льющегося из-за неплотно прикрытой двери. За дверью слышались голоса. Один из них принадлежал маме. Оказывается, она уже успела покинуть столовую и оказаться здесь. Но, странно, Регина Григорьевна, всегда такая серьезная, собранная, теперь говорила раздраженно и даже плаксиво:

– Это ж надо! Набрался наглости притащить сюда и усадить за один стол со мной свою новую любовницу! Думает, я ничего о них не знаю! Говорит, эта краля похожа на изящную нимфу! А я, мол, толстая купчиха!

– Да, забей на все, Григорьевна! Выпей вот лучше, – говорил хриплый мужской голос.

Антоша заглянул в проем неприкрытой двери. На старом сундуке сидели, обнявшись, мама и ее шофер-телохрани-

тель, огромный, как шкаф, дядя Саша. Перед ними стояла табуретка, застеленная газетой, на которой располагались бутылка водки, полбуханки хлеба, селедка и два граненых стакана. Регина Григорьевна, залпом опорожнив стакан, откусила от ломтя хлеба и размазала тушь по щеке.

– Скажи, Санек, я, что, правда, толстая? – Она, чуть не плача, глядела на телохранителя.

– Ты, Григорьевна, баба в самом соку. И не фига себя диетами изводить ради этого своего вшивого гения, – ответил Санек, положив руку на крепкую талию Регины, женщины, хотя и не хрупкой, но отнюдь не страдающей избыточным весом, а в сравнении с ним самим даже довольно стройной. – Не зря ведь на тебя и Толян запал, еще тогда, в девяносто первом! А ты помнишь, сколько за ним девок бегало?

– Да, Толян реальным пацаном был! – вздохнула Регина. – И погонялово имел подходящее – Свирепый. Царство ему небесное! Никогда его не забуду. Шикарное он мне наследство оставил!

– Так давай его помянем.

Выпили еще.

– Я те вот что скажу, Региш, – продолжал осмелевший телохранитель, облапив хозяйку потными ручищами. – Нашла ты после Свирепого какого-то придурка малахольного! Да теперь носишься с ним, как с писаной торбой! Из кожи вон лезешь, чтоб ему угодить! Всякие там культурные манеры осваиваешь, будь они неладны!

– Ничего ты не понимаешь, Сашка! – Регина высвободилась из его рук и принялась нервно шагать по комнате. – Я чувствую время. Кем бы я вступила в XXI век? Вдовой криминального авторитета Свирепого? Время таких, как он, прошло, и он вовремя ушел. А такого мужа, как мой нынешний, нигде не стыдно показать, хоть перед английской королевой! И сын мой похож на отца. То же лицо, та же походка, те же повадки барские. Только бы такой же сволочью не вырос!

Регина снова давилась слезами. Саша подошел и еще крепче обнял ее.

– С настоящим мужиком, небось, не ревела бы.

– Хочешь сказать, я с Толяном не ревела? – Регина подняла заплаканные злые глаза. – Может, оттого и не ревела, что боялась лишний раз голос подать. Только по ночам в подушку плакала! Я же с ним в вечном страхе жила! Никогда не знала, чего от него в следующую минуту ожидать. То ли золотом осыплет, то ли пристрелит. Помнишь, каким он злющим иной раз домой возвращался? Поистине Свирепый! Однажды попала ему под горячую руку, так он мне два зуба выбил. Во, гляди. – Она указала пальцем на два золотых зуба в верхнем ряду.

– Так он же потом сам на золотые раскошелился, – возразил Сашка.

– Вот уж радость-то! – Регина истерично расхохоталась.

– А с красавчиком этим, стало быть, больше радости?

– Ему я, по крайней мере, сама по морде даю за каждую измену.

– Во-во, – подтвердил Сашка. – Потому и ищешь нарочно, как бы застукать с какой бабенкой, чтоб гнев свой выместить.

– А разве нет в моем сердце гнева?! Или мало в нем горечи?! – воскликнула Регина. – Ведь и Свирепый, законный мой муж, которого я любила, как никого другого, изменял мне не меньше. А я слова поперек сказать не смела. Разве я не знала, что он в баню со шлюхами ездил? Да он даже не скрывал. Ведь он это и за измену-то не считал. Так, разрядка. Вот, когда я в ресторане с его приятелем потанцевала – вот это измена! За это надо было меня последними словами бранить и пушкой перед носом размахивать. – Регина размазала смешанные с тушью слезы по щекам и усмехнулась. – Ну, ничего, зато теперь я сама себе хозяйка. И нынешний мой – вот у меня где. – Она показала сжатый кулак.

– Регина, – прошептал вдруг Сашка ей в самое ухо, делая неожиданное открытие, – да ведь ты за это и любишь своего красавчика. За это и прощаешь ему все. Он ведь точно дитё твое!

– Прощать или не прощать человека можно, – возразила она. – А это разве человек? Кобель породистый, и больше ничего. Потому и спроса с него, как с человека, нет. Говоришь, он для меня дитё? Ошибаешься, Санек. Он для меня – красивое домашнее животное.

– Что ж ревешь тогда по домашнему животному?

– Да пошел ты, Сашка, знаешь куда?! – оборвала Регина. – Хорош мне в душу лезть. Можно ведь хоть раз в жизни забить на все и конкретно оторваться!

Резким взмахом она сбросила с ног узкие туфли-лодочки так, что они отлетели в разные углы комнаты, и хлебнула еще водки.

Продолжавший подглядывать Антоша догадался, что сейчас разыграется нечто, похожее на те фильмы, которые ему запрещалось смотреть. Или на те сцены с участием отца и нескольких девиц, которые он беспрепятственно много раз наблюдал в замочную скважину. Особого интереса к тайнам взрослых Антоша уже давно не испытывал. Так что он не был огорчен, когда услыхал знакомый приторный голос, звавший его по имени.

В коридоре показалась Клавдия Васильевна с детской курточкой в руках.

– Кто еще порадует нашего Тосика, кроме бабусечки! – слащаво проговорила она, одевая внука.

3

Спускаясь по парадной лестнице с мраморными перилами, мимо висящих вдоль нее старинных картин, бабушка и внук столкнулись с поднимавшимся Луньевым-старшим. Вернее сказать, его, еле передвигавшего ноги и бормотавшего что-то бессвязное и напыщенное, вели под руки две молоденькие горничные. Альберт Евгеньевич начал вдруг упираться. Стал доказывать, что с представителем древнего аристократического рода и гениальным поэтом так обращаться нельзя. Тогда одна из девушек вкрадчиво прощебетала:

– Ваше сиятельство, вам пора в постельку.

Все в этом доме знали: стоит лишь назвать хозяина сиятельством, как с ним можно делать все, что угодно.

– Альберт Евгеньевич, – добавила вторая горничная, – вам надо восстановить силы, чтобы снова радовать нас, ваших читателей, своими стихами.

Разговор о поэзии, которую хозяин дома забросил несколько лет назад, были еще одним способом воздействия на него.

– В постельку – это прелестно, мои кошечки, – уже благодушно сказал Луньев, хлопая одну горничную по заду и обнимая другую. – Надеюсь, вы обе составите мне компанию.

– Потаскун! – воскликнула спускавшаяся навстречу теща. – Хоть бы ребенка постыдился! А вы, шлюшки, – обра-

тилась она к горничным, – завтра же обе будете уволены.

4

Во время этих препирательств Антоша не отрывал глаз от одного из портретов. На нем была изображена дама в бордовом платье с глубоким декольте. Разумеется, шестилетнего мальчика привлекла не красота ее мраморного бюста или черных, как смоль, локонов, ниспадавших на белые покатые плечи. Ускользнула от его внимания и аристократическая бледность лица, на котором кроваво-алым пятном сияли чувственные губы, изогнутые в иронической улыбке. Остались незамеченными и прямой нос с изящно выточенными кокетливыми ноздрями, и величавые дуги черных бровей, и острый надменно приподнятый подбородок, и высокая увитая бриллиантами шея. Внимание Антоши привлекли большие, миндалевидные, чуть раскосые бездонные, словно два омута, темно-фиолетовые с загадочной поволокой глаза дамы. Они были полуприкрыты веками. От этого взгляд делался одновременно томным, равнодушным и надменным.

Антоша сразу понял, что глаза эти в своей темно-фиолетовой бездне таят знание всего и вместе с тем пустоту, знание того, что все есть пустота, и неутолимую муку от этого знания. В них было страшно смотреть, но и оторвать взгляд не хватало сил. Портрет княжны Глафиры Сугубовой являлся для Антоши зеркалом самых мрачных тайников его соб-

ственной души.

– Опять загляделся на эту ведьму, – прервала Антошино созерцание бабушка. – Разве не слыхал ее историю?

Антоша много раз слышал о том, как княжна Глафира застрелилась в своем будуаре. Слышал он и разные версии причин ее самоубийства, которые с увлечением рассказывали в доме. Ему ничего не говорили слова «разорилась», «стала жертвой интриг», «лишилась чести», «связалась с масонами».

Почему-то Антоша твердо знал, что лишь он один понимает причину, побудившую княжну добровольно уйти из жизни. Пусть он не мог сформулировать своего понимания, но ему была ведома неизъяснимая, пронизывающая все, скука.

Он также был уверен, что и княжна Глафира, в отличие от всех окружавших его людей, смогла бы его понять. Поэтому он и не особо боялся призрака, о котором шептались домочадцы. Антоша даже мечтал когда-нибудь встретиться с ним в темных таинственных коридорах этого дома.

– Неужто не знаешь, внучек? – продолжала бабушка. – Вредно ведь на нее долго смотреть. Она, хоть и портрет, но сглазит, не успеешь оглянуться. Ведьма же! И так, вон какой бледненький ходишь, точно сам привидение. А все от того, что часами на эту княжну смотришь, как и папаша твой непутевый. Она ведь, ведьма эта проклятая, и его околдовала. Зачем мы только его послушали и дом этот заколдован-

ный купили?!

– А малец-то у них и впрямь, – чуть слышно шепнула одна горничная на ухо другой, – не в мать, не в отца, а будто от привидения родился.

5

Бабушка вывела внука через арку, украшенную воздушными шарами на аккуратно подстриженную лужайку. Посередине красовалась яркая, словно с открытки, клумба. Звучала музыка.

В это время специально приглашенная клоунесса с косичками, в коротком платьице и полосатых гольфах, похожая на большую девчонку, уже выстроила всех маленьких Антошиных гостей для игры в «кошки-мышки». Затем последовали «разрывные цепи». Дети, в отличие от клоунессы, бегали похожие на маленьких взрослых – в смокингах и вечерних платьях.

Невольно Антоша ловил себя на мысли, что всякий раз ждет окончания одной игры и начала следующей. Общая веселость мальчишек и девчонок ему не передавалась. Он был, как всегда, задумчив и чуть заторможен. Бабушка, по своему обыкновению, приписывала это плохому аппетиту и слабому здоровью.

Впрочем, несколько раз Антошу удалось втянуть в общую суматоху и даже заставить смеяться за компанию со всеми. Но и сквозь собственный смех Антоша понимал, что даже сейчас, в эту, казалось бы, самую блаженную минуту, он все равно скучает. Скука томила сердце вовсе не от отсутствия впечатлений или общения. Она являлась перманентным со-

стоянием этого Антоши Луньева.

За играми последовало катание на пони. Потом детей повели к ожидавшему их огромному батуту, изображавшему сказочную крепость, и к мерцавшей огоньками переносной карусели. Наконец, бабушка собственноручно вынесла из дома большой надувной мяч в виде земного шара, который, по ее мнению, должен был привести внука в восторг.

В самом пылу игровой суматохи, мальчишеских криков, девчоночьего веселого визга Антошу снова посетила его неотвязная, с садистским упорством преследующая мысль: «Есть мяч, есть лужайка, есть дети, есть бабушка, есть клоунесса, есть пони, есть батут, есть карусель, есть игра… А где же счастье?»

Вернул Антошу к реальности лишь угодивший ему в физиономию мяч, брошенный Сережкой Голенищевым, сыном соседа-банкира.

6

Наконец, феерический праздник с играми, смехом, музыкой, застольем, фейерверком завершился. Антоша сидел в своей кроватке под бирюзовым балдахином и недоуменно глядел на няню.

– Это все?

– Пора спать, Антошечка.

У Антоши появилось чувство, будто его обманули.

Няня оставила в детской приглушенный свет пестрого фонарика, струящийся разноцветными лучами. Зеленые, желтые, малиновые, фиолетовые блики, хаотически смешиваясь с причудливыми тенями, растворили в себе обычные очертания предметов.

С недосягаемого верха стеллажа, наполненного игрушками, смотрела огромная пантера. Ее подарила сегодня одна дальняя родственница. У этой грациозной большой кошки была мягкая шерсть из черного бархата и блестящие раскосые глаза, похожие на глаза таинственной княжны с портрета. Антоша сразу заметил это сходство. В княжне Глафире было что-то кошачье. А пантера сейчас иронически улыбалась ему, точь-в-точь, как дама с портрета.

– Ты пытался схватить счастье руками? – словно спросила она.

– Папа сказал, что счастье – это призрак. А мама сказала,

призрак – это то, чего взаправду нету. Вот и няня всегда говорит: «Нет в жизни счастья!».

– А если нет, как же ты его схватишь руками? – снова промурлыкала пантера.

– Я могу схватить руками эту машинку, этого мишку, – пустился в дальнейшие рассуждения Антоша, – фонарик, занавеску, стол. Даже до тебя могу дотянуться. А счастье?..

Черная пантера еще сильнее скривила губы в загадочной усмешке. И счастье представилось Антоше чем-то запредельным, вечно желанным и вечно ускользающим. Оно походило на причудливый узор, создаваемый неровным светом фонарика. Мудрый взгляд пантеры выражал очевидную безысходность.

Но Антоша все еще не желал сдаваться.

– В жизни есть много хорошего, – продолжал он. – Мороженое, конфеты, батут, – он вопросительно посмотрел на собеседницу и по ее взгляду понял, что перечисленного недостаточно. – Где-то есть даже ковер-самолет, шапка-невидимка…

– Но разве это счастье?

– Нет, – честно ответил Антоша.

Он знал без доказательств, чувствовал всем своим нутром, что счастье – это фикция, притягательное слово, за которым ничего не стоит. Цинично-невозмутимый мурлычущий голос озвучил то, в чем Антоша боялся признаться даже себе самому:

– Счастья нет нигде, никогда и ни для кого, даже на единое мгновение. Его нет вообще. Нет потому, что и быть не может. Есть только сплошная нескончаемая скука.

– Скучают все, – согласился Антоша. – Все мальчики и девочки, дяди и тети, собаки и кошки, мухи и бабочки.

– Да, но они не признаются в этом. А ты признался мне, мой мальчик. Теперь мы друзья, ведь у нас есть своя тайна.

…Утром здравомыслящая и не верящая в привидения Наталья Аристарховна силилась понять, каким же образом мягкая игрушка была низвергнута с самого верха стеллажа, до которого ребенок никак не мог дотянуться. Но Антоша ничего не ответил на расспросы няни.

Едва проснувшись, он, молча, взялся за кубики. Собрав завораживающее слово «счастье», Антоша долго не мог оторвать от него глаз. Искоса он бросал взгляды на грациозно лежащую в углу детской черную пантеру. А та тихо посмеивалась над ним.

А тем временем на другом краю того же города в приземистом ветхом домишке искал счастья другой мальчик – родной брат Антоши Луньева.

Глава 8
Изгой и его ангел

С первых же своих шагов среди людей он почувствовал, а затем и ясно осознал себя существом отверженным, оплеванным, заклейменным. Человеческая речь была для него либо издевкой, либо проклятием. Подрастая, он встречал вокруг себя лишь ненависть и заразился ею.
Виктор Гюго. Собор Парижской Богоматери

А дети, как известно, не ведают, что творят. Дети даже не осознают, что причиняют кому-то боль. У них нет сострадания.
Стивен Кинг. Кэрри

1

Пятиклассник Стива Казематов сбежал со ступенек школьного крыльца и опрометью помчался домой. Можно сказать, что в эту минуту он был счастлив. В звонких ручьях, лужах и на редких клочках высохшего асфальта играли веселые блики апрельского солнца, предвещая скорые летние каникулы. Это было возможностью на целых три месяца за-

быть о ненавистной школе.

Впрочем, сегодняшний учебный день Мстислав мог бы назвать сравнительно благополучным: никто не истоптал его куртки в раздевалке, не спрятал его сумки, не изорвал его тетрадей, не подставил ему сломанного стула.

Лишь на большой перемене Иголкина и Синицына задумали, по своему обыкновению, «подонимать» изгоя 5-го «А». Они подсели к Казематову с двух сторон и, пересмеиваясь, начали выплескивать на него все свое остроумие. Последнего, впрочем, хватило лишь на заданный издевательским тоном вопрос, о чем их одноклассник думает.

– Какой-то ты у нас сегодня задумчивый… – ехидно произнесла Иголкина.

– Отрешенный, – добавила Синицына, вспомнив услышанное на уроке литературы замысловатое слово.

– Ну, признавайся, Казематов, о чем задумался? – не унималась Иголкина, – Может, ты против нашего класса что замышляешь?

– Признайся, Стивочка, мы никому не расскажем, – издевательски доверительно прощебетала своим нежным голоском Синицына.

– О жизни думаю, – буркнул Мстислав, чтобы те отвязались, но не тут-то было.

Ответ этот обеих необычайно рассмешил, как рассмешила бы, пожалуй, любая фраза, слетевшая с губ их несчастного одноклассника.

Ведь этот светловолосый, худенький, низкорослый мальчик с узкими плечами, чуть заметным горбом между лопаток и грустными серыми глазами слыл не только первейшим в школе уродом, но и дурачком. Такое амплуа нисколько не зависело от получаемых отметок. Если уж имидж привязался к тебе в детском коллективе, то его не соскоблишь и ножом. Все потуги доказать, что ты не «верблюд», а такой же, как все, человек, приводили только к новым насмешкам. Любое слово или действие Мстислава Казематова – правильное или неправильное, умное или глупое – служило лишь поводом повеселиться.

Вот и теперь под ехидные смешки по классу пробежало: «Квазимодо думает о жизни! Квазимодо думает о жизни!»

– О жизни на Марсе, – сказал кто-то, вызвав всеобщий хохот.

– Я знаю! – вмешался возникший вдруг в центре собравшейся толпы высокий чернобровый красавчик Антошка Луньев. – Этого мутанта заслали к нам космические пираты. А размышляет он сейчас о звездных войнах.

Звонок на урок истории помешал юному красавцу развить свои идеи.

На следующей перемене перед уроком геометрии все принялись увлеченно показывать друг другу принесенные из дома различных конструкций циркули. Вдруг кому-то пришло в голову посмотреть, что за чертежный инструмент у «Квазимодо». Циркуль Казематова оказался самой примитивной,

допотопной, принадлежавшей еще его матери, поржавевшей «козьей ножкой» со вставленным в нее жалким огрызком карандаша.

Этот предмет стал с насмешками передаваться из рук в руки, с ироническими ухмылками разглядываться. Постепенно мучители вошли во вкус. Они решили развлечься наблюдением за тем, как Стива метался по классу за своим циркулем. Предмет всякий раз оказывался в новых руках, пока, наконец, не был вышвырнут в форточку первым хулиганом класса Андрюхиным.

Мстислав находился на грани нервного срыва. Со всех сторон он был окружен ехидными гримасами и издевательскими возгласами: «Квазимодо разъярен!»; «Это становится интересным!»; «Посмотрим-посмотрим!» Не помышляя рассчитать силы, Мстислав бросился на Андрюхина. Но в следующую секунду он после внушительного удара в челюсть шлепнулся на пол под общий дружный хохот. Вообще, 5-й «А» был необычайно дружным классом.

Собственно, этими двумя инцидентами и исчерпывались злоключения сегодняшнего учебного дня.

Теперь предстояло, не попадаясь на глаза никому из одноклассников, благополучно добраться глухими закоулками до дома. Ведь Мстислав не хотел получить очередной пинок или затрещину или быть обсыпанным кусками грязи. Да и просто уже невыносимым казалось выслушивать очередную порцию оскорблений, в изобретении которых так изощ-

рялись эти «дружные и веселые» мальчишки и девчонки.

2

Наконец, за развесистыми тополями, уже подернутыми зеленой дымкой, показался ветхий домишко барачного типа с покосившейся крышей. На душе стало немного легче.

Предстояло только держать ответ перед матерью за потерянный циркуль. Если она окажется пьяной, то весь воспитательный процесс ограничится бурной поркой. Ремень будет летать над светловолосой головой Стивы, сыпля не рассчитанные удары по спине, груди, лицу. В эти минуты на сына словно выплескивалась вся горечь, накопившаяся в женской душе… или вся горечь выпитого.

Если же вдруг, по случайности, Стива застанет мать трезвой, то будет вынужден выслушивать бесконечные жалобные причитания. Родила, мол, она на свет никому не нужного урода, чудище болотное, и мыкается с ним целый век, и лучше б глаза ее его не видели. Этот монолог как всегда прервет вернувшийся под вечер развеселый материн сожитель дядя Коля, поставив на покосившийся стол долгожданную бутыль самогона.

А, возможно, будет тот редкий случай, когда мать, охваченная нахлынувшей вдруг жалостью, примется настойчиво расспрашивать сына, бьют ли его в школе, дразнят ли, какими словами обзывают. Станет требовать от Стивы воспроизведения в деталях всей картины его унижений.

Но Мстислав всегда оказывался слишком гордым, чтобы признаться, до какой степени втоптан в грязь своим 5-м «А». В таких случаях он ограничивался односложным: «Все нормально. А синяк под глазом, потому что упал», – и спешил удалиться в свою каморку за печью.

3

Находясь в школе, Стива беспрерывно испытывал чувство напряженного страха. Он не знал, в какую минуту, с какой стороны какой ожидать подлости. Все часы учебы Стива жаждал лишь одного – скорее вырваться из этого ада.

По возвращении домой на смену страху всякий раз приходила злоба. Как же он их всех тогда ненавидел! «Супермена» Андрюхина, богача Луньева, красотку Синицыну и всех-всех. И себя самого ненавидел за трусость.

Сколько раз в отчаянии он замышлял схватить в школьной столовой кухонный нож, ворваться с ним в класс, увидеть испуг в глазах врагов и начать орудовать ножом во всех направлениях. Резать всех, кто попадется под руку, чтобы ненавистная кровь хлынула на стены, на пол, на парты. Метаться со страшным, сверкающим острием во все стороны, пока не скрутят руки. А там уж – будь что будет… И всякий раз вечная проклятая трусость мешала осуществлению этого отчаянного плана.

Но Мстислав Казематов не переставал лелеять мечту о том, как когда-нибудь восторжествует над ними всеми. Не важно, кем он станет: императором, завоевателем, главарем мафии, или действительно откроется тайна о его инопланетном происхождении. В грезах своих он видел всех этих мерзких тварей, не различивших в нем человека, у сво-

их ног.

Главное – выжить. Стиснуть зубы и пережить эти страшные школьные годы, когда изо дня в день словно спускаешься в преисподнюю. Выжить и сохранить силы для мести.

4

Наверно в каждом классе есть свой изгой, предмет насмешек и издевательств. Часто со стороны не понять, чем же вызван его столь злосчастный имидж. Дети – страшные консерваторы. Все, выходящее за рамки нормы, то есть посредственности, за рамки того образа, который навязан «правильным» взрослым миром посредственностей, вызывает в детской стае иррациональную ненависть. Нередко предметом этой ненависти может стать вполне обычный с виду ребенок, но внутренне – человек не от мира сего. Дети чутко улавливают даже малейшее отклонение от образа заурядности.

В случае же со Стивой Казематовым ненависть была, если можно так выразиться, вполне «обоснованной». Когда в начале учебного года, сразу после смерти бабушки Мстислав переехал из Камышовки в Золовск и поступил в эту школу, на медосмотре пришлось обнажить перед всеми свою тайну. С тех пор она перестала быть тайной. Дети, преодолев первоначальный испуг перед двуглавым мальчиком, а, возможно, и мстя за этот испуг, не сговариваясь, стали относиться к новому однокласснику, как к чуждому всем им существу, которое следует подавить.

Что же касается учителей, то их стремлением стало – вообще не замечать существования необычного школьника.

Это, впрочем, нисколько не говорило об их жестокосердии. Все они, напротив, были дамами самыми гуманными, всегда стремящимися к справедливости. Какие только разбирательства они не устраивали, случись вдруг одному школьнику подраться с другим или пропасть чьей-то шапке в раздевалке. Как же искренно они клеймили порок, призывали к дружбе и взаимовыручке.

В тех же случаях, когда дети всей гурьбой принимались третировать несчастного Стиву, учителя ограничивались лишь парой сухих фраз о необходимости прекратить хулиганство.

Это напоминало то, как иная телезрительница льет слезы над разлукой героев в любимом сериале, а через минуту, услышав в новостях о многочисленных жертвах катастрофы, раздраженно нажимает на кнопку переключения – горя такого масштаба она уже не способна вместить. Так и Мстислав со своими бедами не вписывался в диапазон тех проблем, что воспринимались учительницами.

Похоже, что своим видом он даже оскорблял их эстетический вкус. Для них было бы лучше, если б его, такого «монстра», «мутанта», «чудовища из фантастических фильмов», не существовало бы вовсе.

5

Однако был на земле человек, которому приходилось еще тяжелее, чем Мстиславу. Призрак семьи Казематовых не значился ни в каких документах, нигде не был прописан, кроме как в теле своего брата, не нуждался в получении образования, хотя ежедневно был вынужден посещать то адское место, что именовалось школой. Нередко, вернувшись с занятий, Стива, чуть не плача, обнаруживал на нежном личике под своими ключицами синяки или следы кровоподтеков. Полупризрачный человечек был еще более беззащитным, чем он сам.

Когда это существо становилось прямым объектом нападок, Мстислав готов был драться за него до последней капли крови. Случалось, что какой-нибудь мерзавец-одноклассник требовал от него показать «свою вторую рожу». «Гады! – хотелось кричать Стиве. – Это же лик моего ангела!» Или вдруг кто-нибудь норовил ударить побольнее под ключицами. Уж тогда – откуда только сила появлялась – рассвирепев, Мстислав мог раскидать пятерых мальчишек. Ведь он защищал самое дорогое и близкое существо.

Однажды детям все же удалось одолеть Мстислава. Они подкараулили его в раздевалке, набросились всей оравой, зажали в самом дальнем углу и сорвали сначала свитер, а затем – футболку. Весь класс горел желанием внимательно

разглядеть вблизи то, что однажды было увидено мельком и на расстоянии.

Но вдруг эти бойкие мальчишки и девчонки все, как один, замерли, вытаращив глаза, в которых отразился ужас. Дети отлично знали, что перед ними откроется, но зрелище их все равно шокировало. Вид крошечной, размером с бильярдный шар, но живой головы, вросшей в мальчишеское тело, был страшен. Взгляд все осознающих голубых глаз, глядящих из груди Мстислава, показался жутким, невыносимым. Ни слова не говоря, хулиганы бросились врассыпную.

6

Два человека, заключенные в одном теле, были самыми близкими друг другу существами и в прямом, и в переносном смысле. Сначала их общение протекало в безмолвии, но взаимопонимание присутствовало всегда. Научившись произносить первые слова, Стива сразу же стал обращаться к своей второй голове, называя ее просто «ты». А в семь лет губы на его груди раскрылись и чуть слышно промолвили свою первую фразу:

– Меня зовут Ангелина.

– Откуда ты знаешь? – встрепенулся Стива, удивившись, что его вторая голова умеет говорить.

– Ангелы сказали. Я часто вижу ангелов. Я твоя сестра.

Одинокий Стива несказанно обрадовался появлению сестры, с которой можно будет вести беседы.

С того дня они еще больше сблизились. Ангелина единственная любила и понимала Мстислава. И только для нее он не был уродом.

Чтобы пообщаться с сестрой, глядя друг другу в глаза, Стива раздевался до пояса и садился перед зеркалом. Голубые глаза на крошечном личике светились наивной чистотой. Они всегда были широко открыты и с восторженным удивлением жадно разглядывали все вокруг. И это объяснимо, ведь почти вся жизнь бедняжки Ангелины протекала

во мраке.

Нередко сестра желала полюбоваться закатом во время вечерней прогулки по пустынным городским окраинам. Она просила брата расстегнуть рубашку. Тогда в глазах ее искрились огоньки.

Еще ей нравился вид заброшенного парка – излюбленного места их уединенных прогулок. Стива забредал в самую чащу. Ангелина подолгу не могла оторвать взгляда от живописного заросшего пруда, в котором цвели восхитительные водяные лилии. Голубые глаза тогда отражали умиротворенность созерцаемого ими пейзажа.

Но наибольший восторг Ангелине приносили те минуты, когда в ясную погоду брат ложился на спину среди цветущего луга. Тогда ее ангельский взор, словно живую воду, жадно впитывал чистую небесную лазурь и сам становился бездонным.

Повзрослев, Мстислав научился и без зеркала видеть глаза сестры, и без слов чувствовать ее душу.

Глава 9
Сны брата и сестры

Ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков.
Ханс Кристиан Андерсен. Снежная Королева

Любой листок лишь взять решись
И каплей крови подпишись.
Иоганн Вольфганг Гёте. Фауст

1

В тот день, о котором шла речь, Стива, вернувшись из школы, нашел мать и ее сожителя непринужденно развалившимися на полу в окружении нескольких живописно разбросанных пустых бутылок и звучно, протяжно храпящими. Поняв, что разговора о потерянном циркуле не предвидится, он проследовал в свою каморку с маленьким окошком, выходящим на грязный двор. На столе его ждали раздобытые в разных библиотеках города книги.

Волею судеб не став частью толпы, Мстислав Казематов вместе с одиночеством обрел и возможность мыслить. Но он научился не просто мыслить, а возвышаться до метафизиче-

ских высот. Абсолютно все, связанное с философией и мистикой вызывало в его детской душе жгучий, ненасытный интерес. Его дух захватывало от головокружительных высот и недосягаемых глубин, заключенных в трудах мыслителей разных эпох и народов, в учениях разных религий. Неведомо ни для кого Мстислав блуждал по лабиринтам таинственной мудрости веков и чувствовал, что по-настоящему заблудился.

Стремился ли он обрести единственно-истинный путь? Нет, ему были нужны сами эти лабиринты.

– Сейчас, Ангелина, я почитаю тебе вслух, только не громко, – сказал Стива, усаживаясь за стол.

2

За чтением Мстислав не заметил, как его одолел сон. Однако Стива, по своему обыкновению, сумел осознать, что уже находится в сновидении.

Он выглянул из-за занавески. Комната была, как будто, прежней, но вместе с тем словно иной. Все вокруг – дырявые занавески на окнах, сквозь которые в комнату заглядывала волшебная лунная ночь, шкаф с перекошенными дверцами, кучи старого тряпья на полу – словно бы освещалось изнутри синеватым пламенем.

Мстислав не удивился, когда в комнату вошла незнакомая высокая женщина в старинном платье. Лицо ее было затенено широкими полями шляпы и ниспадавшей на глаза вуалью. Стива только спросил:

– Кто вы, друг или враг?

– Там, откуда я пришла, – ответила незваная гостья, – нет понятия дружбы. О дружбе я рассказываю сказки твоему глупому братцу.

Мстислав не успел вымолвить и слова, как она опередила его вопрос:

– Да, у тебя кроме сестры есть еще и брат. Я поведаю тебе о нем, и об отце, и о тайне твоего рождения. С тобой я буду откровенна. Не считай меня ни другом, ни врагом, я твоя союзница.

Мстислав догадался, что ему сейчас предложат какую-то сделку.

– Что от меня требуется?

– Как к тебе относятся окружающие? – вопросом на вопрос ответила незнакомка.

– Полагаю, вы осведомлены, – огрызнулся он.

– А как ты к ним относишься?

– Я их ненавижу!

– Оставайся последовательным в этом чувстве. Не позволяй любви проникнуть в твое сердце и сделать тебя слабым. Не впускай в свою душу ни одно живое существо. Тогда я подарю тебе весь мир. Ты станешь хозяином этой планеты.

– Обещаю, – ответил он.

В течение разговора Мстислав и его спутница прошли по залитым лунным светом безлюдным улицам Золовска и остановились у высокой каменной стены с зубчатым верхом.

– Дом Антошки Луньева! – проговорил Стива. – Зачем мы здесь?

– Это – твой дом, – ответила таинственная незнакомка. – Когда-нибудь ты вступишь в него хозяином.

В следующую минуту Мстислава уже вели за руку по лестнице с мраморными перилами.

Вдруг его спутница остановилась перед зеркалом в позолоченной раме. Таинственная дама начала извиваться в каком-то причудливом танце. Но странное дело: ее отражение

при этом оставалось неподвижным. Мстислав вгляделся внимательнее и вдруг понял, что это – вовсе не зеркало, а картина.

Дама, повернув к нему мертвенно-бледное лицо с кроваво-алыми губами, рассмеялась и метнулась за позолоченную раму, слившись со своим портретом. Мстислав подошел ближе и заметил, что прекрасные черты на портрете передергиваются в дьявольской усмешке.

Он вздрогнул и… проснулся.

3

Ангелина тоже видела сны.

– Я опять бродила по прекрасным садам, – нередко рассказывала она брату, – таким, что и описать невозможно. Я видела райских птиц. На мне было белое платье, и крылья за спиной. Волосы мои развевались на ветру. Босые ноги касались мягкой травы, а руки – цветов и листвы.

Мстислав ничего не отвечал. «Пусть сестра утешается хотя бы грезами, если уж они ее утешают», – говорил он себе.

– Это – моя родина, Эдем, – продолжала Ангелина. – Я была послана на землю, чтобы стать путешественницей и помогать людям. Таково было мое призвание. Но вмешались враждебные силы.

– Ты и так помогаешь мне, – попытался брат ее успокоить. – Мне хорошо оттого, что ты всегда рядом.

– Настанет время, когда мы станем тяготиться друг другом, – сказала она грустно.

– Такому не бывать! – воскликнул он.

– Я знаю, ты дал обещание никого никогда не любить, – вздохнула она.

– Но это не распространяется на тебя, – возразил он. – Ты – часть меня самого.

Однажды воскресным утром Ангелина открыла глаза и промолвила:

– Сегодня ночью я видела всех своих близких. Все они страдают. Ты знаешь, Стива, что у нас с тобой есть еще один брат? Я должна ему помочь, но пока не знаю, как.

– Нашла, кого жалеть! – огрызнулся Мстислав.

* * *

Мстислав Казематов продолжал расти и взрослеть, по-прежнему не выходя из своего внутреннего мира. Но с той судьбоносной ночи, когда встретил призрачную княжну, он твердо знал, что рано или поздно завоюет весь окружающий мир.

Глава 10
Нигилист и его демон

И возненавидел я жизнь: потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем: ибо все – суета и томление духа.
Книга Екклесиаста 2, 17

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Александр Пушкин

Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии.
Альбер Камю. Миф о Сизифе

1

Антон Луньев тоже взрослел. Он сделался красивым, высоким, стройным юношей с загадочным взглядом.

По мере взросления Антон привыкал к этой жизни. Привыкал к тому, что она бесконечно скучна. Он уже давно не приставал к взрослым с дурацкими вопросами, не терзался поисками химеры.

Он даже стал получать от жизни некоторое удовольствие. Заоблачное понятие счастья сменило другое, вполне реальное – времяпрепровождение.

Всякий раз, вернувшись из школы, Антон спешил поскорее отделаться от уроков. Наконец, наступало долгожданное пресловутое свободное время. И тут возникала новая проблема: это свободное время – с трудом добытое сокровище – надо было как-то «проводить» или, выражаясь более страшно, «убивать». Антоша заполнял свою пустоту еще большей пустотой: достижением высоких уровней в компьютерных играх, бессмысленным блужданием по страницам соцсетей.

Повзрослев, он стал частенько устраивать дома шумные вечеринки для одноклассников. Впрочем, сам на них всегда скучал, но поначалу не признавался себе в этом.

Он словно бы пытался доказать всем окружающим, а в большей степени самому себе, что ему весело живется. Появилась бравада перед сверстниками своей роскошью, реальными или выдуманными приключениями, дерзкими выходками.

В четырнадцать лет Антоша обрел свой первый сексуальный опыт с восемнадцатилетней горничной. Спустя полгода повторил то же с соседской дочкой.

«Так это и есть тот самый секс, о котором столько говорят? – спросил себя Антон. – Ну и что же в нем особенного? Люди придумали любовь. А она не больше, чем любовь проголодавшегося к бутерброду. А насытился – и забыл».

Тайна, всеми силами загоняемая вглубь подсознания, время от времени выбивалась из-под спуда внешнего благополучия и грызла душу ноющей болью. Вечный, никогда не разрешимый вопрос: зачем, зачем все это? Эта учеба, эти развлечения, вся эта жизнь?

А, может быть, и не стоило искать смысла, терзать себя этим идиотским «зачем?» Ведь всех нас, счастливых и несчастных, богатых и нищих, здоровых и больных ждет один финал. За могильной плитой будет все равно, как ты провел эту жизнь: страдал, наслаждался или скучал.

Чем сильнее Антон гнал от себя подобные мысли, тем неотвязнее они становились. Незаметно для себя он начал по-мазохистски наслаждаться ими.

К пятнадцати годам Антон Луньев открыл истинное удовольствие в сознании себя несчастным, ни в чем не находящим покоя, не понятым толпой одиноким мудрецом.

Но вместе с тем ему нравилось быть предметом восторга и недоумения этой самой толпы. Луньев постарался придать своему облику как можно больше загадочности. Это выражалось не только в черной одежде, эзотерической символике на серебряных кольцах и медальонах или в прогулках по старому кладбищу. Загадочность сквозила даже в его особой манере общения, равнодушной и несколько презрительной.

Со стороны казалось, что Антон Луньев имел ум и жизненный опыт старика, познавшего все тайны мира. Он был похож на человека, открывшего некую сокровенную исти-

ну, возвысившую его над толпой и заставившую презирать обычные житейские радости и горести. Именно таким Антоше и нравилось представать глазам окружающих.

«Это же – Антуан, лунный странник! – шептались за Антошиной спиной сверстники. – Он гот!» А девушки с придыханием добавляли: «Настоящий готический принц!» Слыша это, Антон чуть заметно улыбался уголками губ.

Да, Антон Луньев тоже не стал частью толпы. Но к шестнадцати годам он сделался кумиром той самой толпы, которую так презирал. Очевидно, его красивая загадочность была ближе и понятнее ей, чем жуткие тайны его брата.

2

В тот августовский день, о котором пойдет речь, семейство Луньевых уже вернулось из средиземноморского круиза. Но каникулы еще продолжались. Пустота и бесцельность ощущались с особой силой.

В сумрачном, затененном тяжелыми портьерами, зале с высокими арочными окнами, таинственными зеркалами и старинными картинами на стенах, гулко раздавался стук одиноких шагов. Шестнадцатилетний Антон, напустив на себя важный вид, медленно вышагивал по паркету с философским монологом на устах:

– Этот мир пронизан скукой, – повторял Антон, – пронизан насквозь. Что бы люди ни делали, чем бы ни заполняли свою жизнь, цель всегда одна – забыть о скуке. А я не буду о ней забывать. Я не боюсь смотреть ей в глаза!

Антон упивался собственной мудростью, ощущая себя единственным человеком во вселенной, отважившимся посмотреть в глаза самой страшной истине.

Он знал, что в эту минуту в зале – не один. Здесь находится наблюдатель, перед которым и разыгрывается эта гордая сцена. Искоса бросая взгляды в зеркала, Антон видел отражение дальнего угла за своей спиной. В сгустившихся там тенях различался силуэт высокой дамы в черном под черной вуалью. Антон давно привык называть ее Гекатой или

княжной тьмы. Она была всегдашней спутницей его уединения. Ее одобрительная улыбка утверждала его в сознании собственной исключительности. Это был прекрасный мрачный мир, куда имели доступ лишь они двое.

Но подчас Антоше безудержно хотелось впустить в свой мир простой и ясный дневной свет.

3

В тот день Антон ощутил вдруг непреодолимую потребность поделиться своими мыслями хоть с одним живым человеком. Разумеется, о глупых одноклассниках не могло идти и речи.

Антоша отправился в офис своей матери, умнейшей из всех окружавших его людей. Надеялся ли он найти понимание? Или, возможно, хотел в последний раз заглянуть в разделявшую их с матерью пропасть?

Мир Регины Григорьевны Луньевой был насквозь пропитан рационализмом, мудрым, как математическая формула. Все здесь было высчитано, выверено, логически обосновано.

В офисе у Антоши закружилась голова от двух десятков снующих туда-сюда, суетящихся, говорящих о каких-то цифрах, сосредоточенных на своем деле людей. Среди них он ощутил себя лишним, праздношатающимся бездельником.

Безусловно, дело, которому эти люди отдавали все свои силы, должно быть важным. Да вот беда, сколько Антоша ни силился в течение многих лет, сколько ни выведывал у матери, не мог понять, в чем же заключалась великая цель ее дела. Зачем вставать в шесть утра? Зачем приводить в движение этот муравейник? Зачем нужны энергичность, лидерские качества, организаторские способности, практический

ум, авантюризм?

Выяснялось, что цепочка последовательных «зачем?» не уходила в бесконечность, а упиралась в тривиальное понятие «деньги». Дальше задавать вопросы было уже незачем. Ценность конечной цели не вызывала сомнений. Доказательством тому служила роскошная жизнь семейства Луньевых.

Но почему-то от этой земной, осязаемой цели становилось только скучнее. Это напоминало потолок, загородивший головокружительную бескрайность небес.

4

Если мать была для Антоши слишком рациональным человеком, то отец-поэт, наоборот, – совершенно иррациональным. Так, быть может, перед ним и следовало бы раскрыть иррациональную бездну своей души?

Вечером того же дня в кабинете отца Антоше преградил путь одетый в ливрею человек. Это был недавний безработный алкоголик Ложкин, в прошлом активный участник самодеятельности своей фабрики, отлично справлявшийся теперь с новой ролью.

– Альберт Евгеньевич уехали-с, в ночной клуб-с, – угодливо улыбаясь, проговорил Ложкин, – и Ольга Пална с ними-с.

Антоша знал, что Ольга Павловна Лягушонкова – нынешняя муза его отца. Эта эксцентричная дама объявила себя потомком каких-то ей одной ведомых графов Лягушонковых и теперь сопровождала князя Лунного повсюду. Почти ежедневно Альберт Лунный, защищая дворянскую честь Ольги Лягушонковой, вызывал кого-нибудь на дуэль. И всякий раз дуэль оборачивалась самым примитивным мордобоем.

Антоша подъехал к ночному клубу «Казанова», когда возле него уже стоял черный Джип Регины Григорьевны. Изрядно помятый поэт Альберт Лунный, понуро опустив голову,

плелся за женой к автомобилю.

В общем, иррационализм отца на поверку оказывался не менее пошлым, чем рационализм матери.

5

Кого же оставалось избрать объектом откровенности? Может быть, бабушку? Уж она-то без сомнения примет самое живое участие в его проблемах. Не сложно представить, как истово Клавдия Васильевна возьмется за борьбу с плохим аппетитом и неправильным режимом дня внука, как примется таскать его сначала по психиатрам, а потом по экстрасенсам, магам и ведьмам всех мастей.

Антон чувствовал себя витязем, стоящим на развилке трех дорог. Одна из них вела на торжище, другая – в блудилище, третья – на шабаш ведьм. Иных путей не было.

Впрочем, можно ведь было и уйти с развилки, не избирать ничего. Или же избрать это самое *ничто*.

6

Около полуночи Антона вдруг озарила совершенно простая идея. Он сам удивился, как это до сих пор не приходило ему в голову. Антон, кажется, нашел выход из своей безвыходности.

Если время – это враг, который сперва требует огромных усилий, чтобы его высвобождать, а потом отнимает не меньше сил, чтобы его убивать, то лучше, если его не будет вовсе. Если тебе абсолютно ничего не нужно от жизни, то, следовательно, тебе нужно это самое *ничто*, небытие. Среди пошлости окружавшего бытия одно лишь небытие виделось не пошлым.

Антон сидел в круглой ванне из черного мрамора, наполненной каким-то целебным раствором цвета морской волны, который, по словам бабушки, вселяет в человека бодрость и жажду жизни. Он улыбнулся себе в зеркальную стену напротив и сам остался доволен отразившейся в ней иронической усмешкой мудреца.

Вдруг словно что-то мелькнуло за спиной. По выступу в стене будто пробежала черная кошка.

Антон оглянулся по сторонам. Все было спокойно. А на краю ванны спокойно и невозмутимо сидела женщина с мертвенно-белым лицом. На ней было черное латексное белье и чулки сеткой. В тонких длинных пальцах с хищны-

ми кроваво-красными ногтями она держала сигарету, время от времени поднося ее к своим пунцовым плотоядным губам и затягиваясь. Черные волосы были всклокочены. Женщина сидела к Антону в пол-оборота и, казалось, не замечала его. Он сразу узнал ее.

– Геката!

Она обернулась и, приподняв острый подбородок, удостоила Антона своего надменного взгляда из-под полуприкрытых век. Затем с вызовом протянула к Антону стройную ножку, завершавшуюся серебряной туфелькой, и принялась игриво болтать этой ножкой в воде, окатывая Антошу брызгами. А тот почему-то никак не мог дотянуться до соблазнительницы. Как же эта женщина была очаровательна в своей надменности!

– Наконец-то ты нашел верное решение, – ласково промурлыкала княжна тьмы и швырнула лезвие. Жестокость ее была не менее очаровательной.

Антон медлил, зачем-то долго и пристально разглядывая голубую вену на запястье.

– Тебя что-то удерживает? – насмешливо спросила Геката Суккубова. – Неужели ты так жаждешь продлить минуты своего пребывания в этой глупой ванной, вдыхая приторный запах парфюмерии и в миллионный раз созерцая эти стены?

Но что-то действительно удерживало Антона продлить хотя бы эту реальность. Он не мог наглядеться на опостылевшие с детства прожилки на мраморе стен.

– Да ты, парень, кажется, струсил, – расхохоталась насмешница.

Антону грозило потерять уважение единственного существа, которое уважал он сам, стать предметом насмешек этого существа. Отступать он уже не мог.

В последний раз ощупав лезвие и убедившись в его остроте, Антон зажмурил глаза и стремительно, как бросаются в омут, резанул себя по запястью…

7

Антоша не видел, долго ли он, мертвенно-бледный, пролежал, запрокинув голову, в воде, сделавшейся алой. Не слышал, как дико взвизгнула заглянувшая в ванную горничная. Открыл глаза он лишь на следующий день в больничной палате…

А дальше были капельницы, хмурые, сосредоточенные врачи, суетящиеся сестры, с осуждением разглядывающие «сбесившегося с жиру барского сынка», психолог, пытавшийся залезть в душу лишь затем, чтобы присовокупить пациента к какой-либо категории ненормальных.

8

Близкие отнеслись к поступку Антона по-разному. Регина Григорьевна со своим здравым смыслом не могла предположить, что попытку суицида совершил вполне осознающий реальность человек, не будучи в невменяемом состоянии. За время пребывания сына в больнице она перерыла все его вещи в поисках наркотических средств. Но даже отрицательный результат не переубедил ее. Регина Григорьевна внушила себе, что «наркотой» Антошку снабжал сосед Сережка Голенищев, с которым она давно запретила сыну общаться.

Альберт Евгеньевич хвалился перед друзьями поступком сына, указывающим на благородное происхождение и творческую натуру.

Клавдия Васильевна распорядилась переставить мебель в комнате внука по фэн-шуй.

Школьные приятели, узнав о «крутом» поступке Антошки Луньева, больше зауважали одноклассника. Теперь Антон был окружен еще большим ореолом таинственной притягательности. Пусть кое-кто и замечал, что Луньев ведет себя уже не как гот, а как эмо. Однако общему изумлению, граничащему с восторгом, это не помешало. Даже самая красивая девчонка в классе Милана Синицына, прежде не обращавшая внимания на мальчишек-сверстников, стала с инте-

ресом поглядывать на Антона и обольстительно улыбаться.

Врачи не советовали Антону сразу после школы идти в университет. Для его ранимой психики была бы сейчас вредна излишняя умственная нагрузка и резкая смена обстановки.

Мать решила отправить сына в местный экономический колледж, куда шла половина его класса. По окончании колледжа Регина собиралась сделать Антона своим заместителем в фирме. Может, практические дела выбьют у парня дурь из головы? А, когда образумится, можно подумать и об учебе за границей. По крайней мере, этими идеями Регина Григорьевна пыталась себя успокоить.

Меж тем в доме на Сумрачной исчезли последние остатки доверительности. В воздухе повисла тревога.

Сперва мать упорно добивалась от Антона признания не весть в каких преступлениях, но так и не получила сколько-нибудь вразумительного ответа. Тогда она стала относиться к сыну настороженно. Эта практичная женщина почувствовала, что никогда не понимала и не в силах понять, что за странное, загадочное существо шестнадцать лет обитало бок о бок с ней и называлось ее сыном. Впервые в жизни эта рассудительная материалистка ощутила себя совершенно беспомощной.

Вечерами, проходя мимо родительской спальни, Антоша слышал, как мать вполголоса читает по складам «Отче наш». Так рождалась первая в жизни Регины молитва.

Глава 11 Крылатый друг любительницы ночного купания

Душа спящего как бы спит, а у умершего, напротив, бодрствует.
Иоанн Златоуст

У тебя нет души. Ты – душа. У тебя есть тело.
Клайв Стейплз Льюис

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
Михаил Лермонтов. Ангел

1

Внезапно на середине реки юную купальщицу останавливает ужас. Он леденит сердце, сковывает, парализует все тело.

А ведь еще мгновение назад девушка плыла уверенно, бездумно. С безрассудной легкостью она отдавала себя во власть игривого течения, предоставляла еще теплой после знойного дня воде ласкать свое юное тело. Что же случилось?

Вдруг осознается, что до обоих берегов одинаково далеко,

а вокруг – ни души. В следующее мгновение вспоминается, что и плавать-то научилась всего две недели назад.

Открытие это словно пробуждает от блаженного полузабытья. Купальщица порывисто оглядывается.

Безмятежная зеленоватая гладь воды, чуть подернутая туманом, тянется не на один десяток метров. Темнеющие на берегу заросли ивняка кажутся краем света.

«Это я столько проплыла?!» – не верится самой.

Другой, едва различимый сквозь туман берег видится таким же безнадежно далеким.

«Возвращаться обратно в Русалочью заводь, в сторону своей Камышовки? Плыть дальше, на другой берег, в соседнее Ягнятково?» Девушка начинает метаться.

С потерей самообладания утрачиваются и силы. Отяжелевшие ноги начинает тянуть ко дну.

«Это, что же… все?» – спрашивает себя утопающая, даже мысленно не решаясь произнести слово «смерть».

А вода уже поминутно накрывает с головой, попадает в ноздри и рот. Девушка отфыркивается, начиная захлебываться. Это противно. Она понимает, что через минуту станет невыносимо.

К сердцу вдруг подкатывает приступ отчаянной, бессильной злобы на саму себя: «Дура! Пришла, называется, любоваться восходом! Давай, любуйся!»

Вынырнув в очередной раз, утопающая успевает окинуть небосвод жадным взглядом отчаяния.

Горизонт пылает огнем. Земля у его кромки и полоска неба над ним слились, окрашенные восхитительным пурпуром. Медленно всплывает огромный пламенный шар. Он еще не слепит глаз. Он позволяет любоваться своей царственной красотой.

Как ни странно, осознание близости конца нисколько не препятствует в эти секунды созерцанию красоты.

«Эх! – думается незадачливой купальщице. – Неужто мне и впрямь придется распрощаться с жизнью в шестнадцать лет?!»

Девушка часто слышала от взрослых, что шестнадцать лет – это только восход жизни. Но ей не с чем сравнивать. Ей никогда не было больше. Шестнадцать лет – это ее век.

И он начинает проноситься перед мысленным взором. Память воскрешает все события жизни, начав обратный отсчет.

2

Вчера, голубой июньской ночью Агаше Солнычевой не спалось. Невнятные чувства томили ее юную душу. То хотелось вырваться из неги пуховых перин, выбежать на крыльцо и разбудить всю Камышовку возгласом: «Как прекрасна жизнь! Как я счастлива!» А через минуту Агаша, уткнувшись лицом в подушку, беззвучно рыдала, сама не понимая, о чем.

На заре ее вдруг охватило желание сочинять стихи. Но зыбкие, бесформенные, подобные танцующим на воде лунным бликам, чувства укладывались лишь в оборванные фразы: «Муторно на душе… Хочу чего-то… Не пойму, чего…»

Июньские ночи коротки. После нескольких проведенных в бессоннице часов Агаша начала отчетливее различать окружающие ее предметы. Стали угадываться оленята на плюшевом ковре, различаться железные прутья кровати.

Взволнованный взгляд принялся блуждать по залитой предрассветной мглой комнате. В углу иссиня-белым пятном маячила печь. Цветастой занавеской было отгорожено пространство кухни. Складки занавески напоминали выстроившихся в хоровод стройных девушек. Между столом и печью темнела дверь, ведущая в бабушкину горницу.

Уже стали различимы висящие в изголовье кровати обра-

за в застекленных киотах, незатейливо украшенные фольгой и выцветшими искусственными цветами и любовно обрамленные белым расшитым узорами полотенцем.

В эту предрассветную рань Агаше и взбрело в голову отправиться на Русалочью заводь…

А вот перед глазами вырастают высотные новостройки Золовска. (Агаша родилась в этом городе и жила здесь с родителями все время кроме летних каникул, которые неизменно проводила в Камышовке у бабушки). Мимо длинного, стоящего зигзагом, дома вдоль зеленеющего палисадника бежит стайка детей. Всплывает в памяти запах мокрого после первой майской грозы асфальта…

Затем разворачивается рождественский вечер. За окном квартиры сгущаются сумерки. По снежному городскому пейзажу разливается сказочная синева. Крошка Агаша сидит за столом рядом с мамой и помогает ей вырезать снежинки и ангелочков из белой бумаги. У расцветшего зимними узорами окна сидит пришедший в гости дедушка, папин папа. В его окладистой серебристой бороде – совсем такой, как у Деда Мороза – прячется улыбка. Напротив, на диване, рядышком сидят две Агашины бабушки, мамина и папина мамы, и тоже улыбаются. В это время папа развешивает на зеленых пахучих ветвях елки блестящие разноцветные шары. В одном из них Агаша вдруг видит отражение всей комнаты, своих близких и себя самой…

Перед мысленным взором, сменяя одна другую, проно-

сятся сцены семейных праздников и школьных будней. Кинопленка жизни с головокружительной скоростью мчится вспять.

Наконец, она предоставляет Агаше созерцать разноцветные погремушки, нанизанные на веревочку и прикрепленные к краям коляски и крошечные ручонки, неумело перебирающие их…

В следующее мгновение взору открывается довольно живописная, показанная откуда-то сверху, картина, которую Агаша не сразу узнает: таинственная глухая местность; клочья тумана, позолоченного восходящим солнцем; в искрящейся воде живописно барахтается обнаженное бело-розовое девичье тело.

Пейзаж похож на сцену из какой-нибудь древней сказки о русалках, которые часто рассказывала бабушка. Агаша невольно любуется им и фигуркой девушки.

Вдруг узнав себя, она самодовольно отмечает: «Да я совсем взрослая!»

3

Через секунду барахтающаяся в воде фигурка становится маленьким светлым пятнышком, река – серебристо-зеленой змейкой, а окружающие ее золотистые пашни и зеленые пастбища – ровно очерченными лоскутами. Агаша видит это все с огромной высоты.

Затем она отрывает взгляд от земли и обращает ввысь к безбрежной лазури. Ее охватывает головокружительное ощущение простора и свободы.

«Интересно, бесконечность существует? – спрашивает себя Агаша. – Ее ведь нельзя представить. От одной мысли бросает в дрожь. А если нет, что же тогда? Летишь-летишь и упираешься в какую-нибудь холодную непробиваемую стену. И этой стеной огорожено *все*. А что же дальше, за стеной? А если за стеной ничего? *„Ничего“* нельзя представить тем более. Так как же? Наверно, есть ответ. Только он недоступен человеческому уму. В жизни, наверно, есть много такого, чего мы никогда-никогда не поймем. А вдруг тогда… Вдруг, все, что мы понимаем, нам только кажется, будто мы понимаем? А на самом деле все совсем не так?»

От этих мыслей захватывает дух. Становится жутко и восхитительно. И, кажется, что вот-вот откроется что-то самое важное.

Вдруг Агаша начинает ощущать, что не одинока в океа-

не лазури. Кто-то держит ее за руку. И это крылатое существо знакомо ей. Оно охраняло ее всю жизнь, стояло еще у ее детской кроватки. Они даже никогда не расставались. Агаша с первого взгляда узнает своего лучшего друга. Ведь это его ясные, лучистые глаза. Это его легкие крылья за плечами.

Он смотрит на нее с безграничной любовью. Нет, не с любованием, а именно с любовью, которая готова броситься на помощь хоть в пекло. И вдруг становится ясно, что только такой и может быть любовь. И что каждый должен так любить каждого. Да, разве в этом можно сомневаться? Ведь это и есть сама жизнь.

А еще глаза крылатого друга полны сострадания, словно Агаше грозят какие-то беды. Но что может случиться? Они же на пути к свету.

– Выше, выше! – рвется взволнованная Агаша, увлекая за руку своего спутника.

Но тот удерживает ее, словно бы желая сказать, что не все так просто.

– Какие могут быть преграды? – нетерпеливо восклицает она.

Крылатый друг лишь грустно улыбается.

4

Меж тем к сердцу Агаши медленно начинает подкрадываться тревога.

Вокруг сгущается тьма. Бесформенными жуткими тенями она обволакивает со всех сторон. Эта бесформенность страшит больше всего. В ней таятся неведомые еще чудовища, которые должны вот-вот проявиться невесть в каких леденящих душу обличьях.

И вот уже со всех сторон будто кто-то смотрит на Агашу. Небытие вперилось в несчастную отовсюду тысячами глаз. Но это – не глаза живых существ, а дыры в бездонную пропасть. Не в силах вынести жуткого зрелища, Агаша прячет лицо на плече своего друга.

Когда она решается поднять глаза, то видит, что очутилась в какой-то серой комнате, похожей на офис. На столах разложены кипы пухлых папок, а из принтера вылетают все новые и новые печатные листы.

Агаша понимает, что в этих бесконечных листах – вся ее жизнь. Здесь собраны все слова, когда-либо ею произнесенные, сознательно или в порыве эмоций, и каждый ее поступок.

Служащие офиса наперебой предъявляют своей жертве все ее оплошности. Напоминают о том, как в самых мизерных мелочах она успела обмануть и родителей, и учителей,

и приятелей; как иной раз, слушая сплетни о ком-то, охотно поддакивала; сколько раз была зачинщицей драк; как пробовала курить с девчонками в школьном туалете; как однажды тайком от всех посмотрела фильм, предназначавшийся исключительно взрослым. Не упускают из внимания даже того, как пятилетняя Агаша утащила у мамы из шкатулки деревянные бусы и нацепила их на свою Барби.

– Ну и дотошность! – изумляется Агаша. – Вот крючкотворы!

– Странно, – удивляются, в свою очередь, ее враги. – При таком потенциале страсти – так мало грехов. Эх, не в те годы она к нам попала!

Еще одним открытием становится найденное в Агаше тщеславие. Оказывается, поводом к нему могли служить и супермодные джинсы и скромное длинное платье; и то, что оказалась самой выносливой в походе, и то, что дольше всех в классе проболела свинкой; и та драка, в которой ловко подвесила соседскому мальчишке «фингал», и та, в которой самой (словно мученице из книжек) расквасили нос; и отличные отметки по алгебре, и даже то самообладание, с которым узнавала о двойках по химии…

Душа обнажена, у нее уже нет тайн от самой себя. Самые сокровенные слои подсознания беспощадно выставляются под обжигающие лучи прожекторов.

И вот все выявленные грехи и грешки гирями повисают на плечах, не давая возможности взлететь.

Но крылатый спутник, словно адвокат, предъявляет аргументы из увесистой белой папки. Здесь собрано все то, что называется добрыми делами. Здесь же искренняя молитва, которой научил дедушка, водивший внучку в храм. Здесь и все, сказанные кому-либо добрые утешительные слова.

Этого оказывается немало. По мере зачитывания, висящие на Агаше гири лопаются, как мыльные пузыри, а лица врагов искажает досада. Излучаемый белой папкой свет расчищает среди мглы коридор ввысь.

Одним из добрых дел значится посещение заболевшей одноклассницы и занятие с ней уроками. Тут вдруг служители зла начинают злорадно хихикать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.